

ТАТЬЯНА ШИШКОВА

ВНЕЖДАНОВЩИНА

библиотека
журнала

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ АНТРОПОЛОГИЯ

неприкосновенный
запас

Советская послевоенная политика
в области культуры как диалог
с воображаемым Западом

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Татьяна Шишкова

**Внеждановщина. Советская
послевоенная политика в
области культуры как диалог
с воображаемым Западом**

«НЛО»

2023

Шишкова Т.

Внеждановщина. Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом / Т. Шишкова — «НЛО», 2023 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-44-482179-7

Послевоенная политика советских властей в области культуры, связанная с именем Андрея Жданова, осталась в памяти как мрачное время застоя и репрессий. В каком контексте создавались идеологические кампании, названные впоследствии «ждановщиной»? После войны, когда мобилизация населения на строительство и защиту социализма перестала быть актуальной задачей, перед государством встала проблема переустройства соцреалистического дискурса. Татьяна Шишкова в своей книге предлагает взглянуть на события тех лет как на попытку подчинить культуру новой экспансионистской задаче – созданию и предъявлению внешнему миру «правильного» образа СССР. Автор анализирует, как критика М. Зощенко, С. Эйзенштейна, Д. Шостаковича и других фигурантов ждановских постановлений была обусловлена началом холодной войны и почему переосмысление отношений с Западом привело к последствиям, губительным для всего советского проекта.

ISBN 978-5-44-482179-7

© Шишкова Т., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1	17
«НЕДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ»	19
КУЛЬТУРНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ	24
НОВЫЕ ВАРВАРЫ	28
Глава 2	34
КРИТИКА СОВИНФОРМБЮРО	37
ИНФОРМАЦИЯ И ПРОПАГАНДА	41
КУЛЬТУРА И ПРОПАГАНДА	46
Глава 3	50
КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Татьяна Шишкова

Внеждановщина. Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом

ВВЕДЕНИЕ

«Нашему поколению выпало огромное счастье быть участником грандиозной победы над сильнейшим врагом не только Советского Союза, но и всего прогрессивного человечества – германским фашизмом. Нашему поколению будут завидовать многочисленные поколения наших потомков» – так начиналось письмо, которое 11 июля 1945 года направил Сталину кандидат технических наук Л. Либерман¹. Выпавшее на долю советского народа «счастье» участия в войне требовало, по мнению Либермана, наглядной репрезентации: он предлагал соорудить в центре Москвы здание, «само по себе воплощающее монумент Победы», и открыть внутри Музей Великой Отечественной войны, который покажет путь страны от мирного строительства социализма к борьбе за мир во всем мире и героической победе над захватчиками. Из того, как Либерман предлагал организовать материал музея, видно, что победа в его представлении венчала не четыре последних года, а как минимум полтора десятилетия: экспозиция должна была начинаться с первых пятилеток и освещать все важнейшие этапы советской жизни. История победы охватывала весь сталинский период, и весь сталинский период превращался в историю победы. Проект Либермана реализован не был: не потому, что сталинский триумф и великая победа не заслуживали музея, а потому, что одного лишь музея им было мало – их должна была увековечить сама жизнь.

9 февраля 1946 года, накануне выборов в Верховный Совет СССР, Сталин выступал в Большом театре перед избирателями. Война уже девять месяцев как была окончена, страну ждали новый пятилетний план, восстановление народного хозяйства, возвращение к мирной жизни, но речь Сталина была не об этом. Его занимал другой вопрос: как нужно понимать итоги войны, а точнее – каковы были ее положительные итоги? Война, безусловно, была проклятием, утверждал Сталин, но она не была слепым ударом судьбы, равно как и результатом стечения обстоятельств или ошибок политиков. С точки зрения марксизма ее наступление было предсказуемым: капитализм порождал кризисы, и из этих кризисов возникали войны. Обе мировых войны были следствием неравномерного развития капиталистических стран и их стремления переделать сферы влияния. Таким образом, наступление Второй мировой войны было закономерным, но насколько закономерным был ее итог? Была ли победа Советского Союза случайной? Сталин настаивал на том, что нет. Война была проверкой, и Советский Союз эту проверку прошел².

Что же означала победа в войне? Ответ на этот вопрос занял почти треть номера «Правды», вышедшего 10 февраля, в день выборов. Сталин объяснял, что это победа советского строя, который не только доказал свою состоятельность и жизнеспособность, но и продемонстрировал собственное превосходство. Победа была результатом не только храбрости и самоотверженности советских людей, но и мудрой политики советского руководства, доказа-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 375. Л. 47.

² Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы // Правда. 1946. 10 февраля. С. 1–2 (*Сталин И. В. Сочинения*. Т. 16. Ч. 1. М., 2011. С. 201).

тельством его правоты. Что еще важнее, она была доказательством неправоты западных критиков СССР – всех тех, кто сравнивал советскую систему с «карточным домиком», кто говорил, что советский строй навязан населению и является искусственным, кто объявлял Красную армию «колоссом на глиняных ногах». Те, кто раньше ругал Советский Союз, теперь превозносили его, в чем, возможно, и заключался главный итог войны. К перемене отношения к СССР за его пределами Сталин возвращался в выступлении трижды, каждый раз напоминая о том, как неправильно западный мир прежде смотрел на Советский Союз. Теперь у Запада была возможность взглянуть на него по-новому.

«На важном и ответственном посту стоит каждый советский человек за рубежом. На него смотрит мир» – так завершалась передовица «Правды» от 26 марта 1945 года³. Что именно мир должен был в нем видеть, Сталин объяснил еще 6 ноября 1944 года в торжественной речи по случаю очередной годовщины революции: «Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества»⁴. Прежде главной заслугой советского народа был смелый эксперимент по строительству социализма, он обещал в корне изменить мировую историю и обеспечить человечеству счастливое будущее, но все это оставалось лишь обещанием – реальные успехи советского строительства были впечатляющими по российским меркам, но не по западным. Теперь изменение истории человечества осуществлялось в настоящем, Советский Союз выступал уже не только проводником в будущее, но и нынешним спасителем мировой цивилизации, и беспокойство о том, заметит ли остальной мир эту перемену роли, тревожило не только Сталина. Советская пропаганда старалась «настроить» новый взгляд на СССР и последовательно отсекала все, что больше не было актуальным.

Прежде всего, опровержения требовал взгляд, который на протяжении предыдущих лет навязывала миру гитлеровская пропаганда. Журнал «Большевик» напоминал, как она пугала мир тем, что вступление Красной армии в пределы Германии угрожает европейской культуре, и утверждал обратное: «Именно подлинная культура в высшем, лучшем и наиболее последовательном своем выражении шагает теперь вместе с Красной армией по Европе!»⁵ «Правда» писала, что фашистская пропаганда «бесстыдной клеветой старалась внушить страх и ненависть к советским людям», но Красная армия «своей благородной силой рассеяла ложь и предвзвешенности»⁶. Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Георгий Александров в печати критиковал писателя Илью Эренбурга за статью «Хватит!», в которой тот обещал немцам, что им не удастся избежать неминуемой расправы⁷. Выступление Александрова, в котором он заявлял, что советское руководство никогда не призывало к истреблению населения Германии, было зачитано по радио в Берлине, и в информационных сводках сообщалось, что немцы слушали эту трансляцию с большим вниманием и облегчением⁸. Даже для немцев, не говоря о других европейских народах, появление Красной армии должно было олицетворять не угрозу, а спасение.

Война и победа над Германией возродили в памяти предыдущие крупные победы России. «Правда» напоминала, что в прошлом народы страны уже вставали на защиту свободы и цивилизации, когда двухвековой борьбой с татаро-монгольским игом спасли Европу от порабоще-

³ Советский человек за рубежом родной страны // Правда. 1945. 26 марта. С. 1.

⁴ Доклад председателя Государственного комитета обороны товарища И. В. Сталина // Правда. 1944. 7 ноября. С. 2.

⁵ Великая заслуга советского народа перед историей человечества // Большевик. 1945. № 5. С. 7.

⁶ Советский человек за рубежом родной страны // Правда. 1945. 26 марта. С. 1.

⁷ Эренбург И. Хватит! // Красная звезда. 1945. 11 апреля. С. 3; Александров Г. Товарищ Эренбург упрощает // Правда. 1945. 14 апреля. С. 2.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 38. Подробнее о выстраивании положительного образа Сталина и СССР в послевоенной Германии см.: Тихомиров А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М., 2014. С. 68–121.

ния⁹. Еще живее был образ победы над Наполеоном, также сопровождавшейся триумфальным шествием русской армии по Европе. Во время Великой Отечественной войны напоминания о событиях 1812 года способствовали мобилизации патриотизма, но теперь советское руководство аккуратно отстраивалось от сравнений с царской Россией. Так, Александров в одном из программных текстов заявлял, что попытки опровергнуть марксистское положение о царской России как «жандарме Европы» наносят вред советской исторической науке¹⁰. Сергей Ковалев, другой работник Управления пропаганды и агитации, пояснял, почему политика СССР в послевоенной Европе не имеет ничего общего с прошлым: «Освободив от немецких захватчиков народы Европы, Красная армия не навязывает им своей воли, дает им возможность устроить свою жизнь так, как они хотят»¹¹. Даже Сталин считал необходимым подчеркивать разницу между царской Россией и Советским Союзом. В октябре 1945 года, встречаясь с представителями делегации общества «Финляндия – СССР», он предлагал продлить Финляндии срок выплаты репараций и утверждал, что подобным великодушием Советский Союз рассчитывается за российскую политику: «Царское самодержавие своей политикой по отношению к Финляндии, Румынии, Болгарии вызывало вражду народов этих стран к России. Мы хотим, чтобы соседние страны и народы к нам хорошо относились»¹².

Стремление развенчать штампы немецкой пропаганды и дистанцироваться от образа царской России не было послевоенным приобретением – оно играло важную роль в советском публичном дискурсе и в 1930-е годы. Действительно новым стало стремление дистанцироваться и от образа довоенного СССР. В упомянутой выше предвыборной речи в феврале 1946 года Сталин описывал масштабные трансформации, пережитые страной: из отсталой она превратилась в передовую, из аграрной – в индустриальную. За 15 лет до этого, выступая в 1931 году на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Сталин констатировал отставание СССР от передовых стран на 50–100 лет и призывал «пробежать это расстояние в 10 лет»¹³. После войны данная задача была объявлена выполненной: «Под руководством партии большевиков в условиях советской демократии в короткие исторические сроки наша Родина из бедной и отсталой страны превратилась в могучую, цветущую индустриально-колхозную державу»¹⁴. Советский Союз больше не был наследником старой России, которую «непрерывно били за отсталость» и которая потерпела поражение в предыдущей мировой войне, – победа стала доказательством ликвидации вековой отсталости¹⁵. Как писала «Правда» по случаю 220-летия Российской академии наук, исполнился завет Чернышевского, обещавшего, что когда-нибудь русский народ «просветится»: теперь советский народ мог занять свое место в авангарде мировой цивилизации, ни в чем не уступая Западной Европе¹⁶.

Отбросив «все старое, обветшалое», Советский Союз являлся миру в новом качестве¹⁷. В печати и выступлениях официальных лиц неустанно говорилось о том, чем Советский Союз больше не был, – но чем же он теперь был? Развернутый ответ на этот вопрос должны были дать литература и искусство: именно они в советской системе традиционно отвечали за производство образа реальности и, по выражению Горького, «насыщали боевую теорию ленинизма фактами», объясняя, «как же случилось, что эта отсталая страна вдруг стала самой яркой точкой на

⁹ Ковалев С. Великая заслуга советского народа перед историей человечества // Правда. 1945. 17 мая. С. 3.

¹⁰ Александров Г. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // Большевик. 1945. № 14. С. 16.

¹¹ Ковалев С. Великая заслуга советского народа перед историей человечества // Правда. 1945. 17 мая. С. 3.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 371. Л. 162 об.

¹³ Сталин И. О задачах хозяйственников // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 38.

¹⁴ Великий русский народ // Правда. 1945. 26 мая. С. 1.

¹⁵ Великий всенародный подъем // Правда. 1945. 24 мая. С. 1.

¹⁶ Праздник советской науки // Правда. 1945. 11 июня. С. 1.

¹⁷ Великая заслуга советского народа перед историей человечества // Большевик. 1945. № 5. С. 7.

земле»¹⁸. На протяжении первых десяти лет после революции производство этих образов осуществлялось средствами художественного авангарда, с начала 1930-х годов советское руководство стало предпочитать более доступный и менее утопический язык – так постепенно оформилось то, что вскоре получило название соцреализм¹⁹. Соцреализм как художественный метод, придя на смену авангарду, сохранил его устремленность в будущее и вовлеченность художника в процесс переустройства мира, но заменил его инструментарий на более традиционный. Соцреализм был призван отображать приближение социализма с помощью реалистических образов и тем самым способствовать выработке общих для всего населения культурных и идеологических ценностей²⁰. Ключевым понятием в этой концепции было «приближение»: соцреализм не размывал границы между настоящим и будущим, не замещал одно другим, но показывал, чего не хватает настоящему, чтобы стать будущим. Этот практический аспект хорошо заметен в одном из первых определений соцреализма, сформулированном Сталиным в 1932 году на встрече с писателями у Горького: «Художник должен правдиво показать жизнь. А если он будет правдиво показывать нашу жизнь, то в ней он не может не заметить, не показать того, что ведет ее к социализму. Это и будет социалистический реализм»²¹. В каком-то смысле соцреализм представлял собой практическое руководство по строительству социализма: в реалистических образах он предъявлял стране ближайший фронт работ. А поскольку в определении этого фронта соцреализм подчинялся государству, его эволюция повторяла этапы развития советского социалистического проекта.

Американский историк Стивен Коткин в книге «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация» отмечал, что в середине 1930-х годов из-за усиления угрозы, исходившей от фашизма, революционная миссия Советского союза была переопределена: со строительства социализма акцент сместился на его защиту²². Этот идеологический сдвиг непосредственно отразился на соцреалистическом дискурсе. Прежде его главной темой было созидание – организация нового производства, воспитание нового человека, всевозможные стройки и «перековки». «История фабрик и заводов», затеянная Горьким в начале 1930-х годов, конструировала новый образ рабочих и тем самым создавала новый рабочий класс: Горький настаивал, что рабочим необходимо получить образ своей деятельности, чтобы интериоризировать классовое сознание и новую советскую этику²³. Коллективная монография об истории Беломорско-Балтийского канала, выпущенная в 1934 году, совмещала воспитание нового человека с непосредственным строительством: через труд и коллектив бывшие преступники превращались в сознательных советских людей подобно тому, как грязь и болото нетронутой природы обретали стройность и ясность архитектурных форм²⁴. Еще нагляднее сюжет о рождении советского человека из хаоса революции разыгрывался в кинофильме «Путевка в жизнь» Николая Эка (1931). В середине тридцатых эпоха первоначального строительства была завершена: советское общество было объявлено бесклассовым, новый советский человек – появившимся, производство – налаженным.

После принятия Конституции 1936 года, зафиксировавшей эти перемены, этика созидания отошла на второй план, а главным объектом репрезентации стали идеи всенародной защиты социалистического отечества от внешних врагов и всеобщей поддержки политики

¹⁸ А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов»: Сборник документов и материалов. М., 1959. С. 36.

¹⁹ Подробнее об отношениях авангарда и соцреализма см.: *Гройс Б. Gesamtkunstwerk* Сталин. М., 2013.

²⁰ *Hoffmann D. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941.* Ithaca, 2003. P. 159.

²¹ *Зелинский К.* Одна встреча у М. Горького // Вопросы литературы. 1991. № 5. С. 167.

²² *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization.* Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 227.

²³ А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов»: Сборник документов и материалов. М., 1959. С. 29. См. также: *Добренко Е.* Политэкономика соцреализма. М., 2007. С. 266–280.

²⁴ Подробнее о книге «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. История строительства» см.: *Добренко Е.* Политэкономика соцреализма. С. 159–183.

партии²⁵. Французская исследовательница Сабин Дюллен отмечала, что в 1936–1940 годах пограничники становились героями советских художественных фильмов чаще, чем рабочие и крестьяне (при этом первый фильм о пограничниках появился только в 1935 году)²⁶. Кино реагировало на перемены быстрее, но и в литературе был заметен сдвиг в сторону единения и обороны: Алексей Толстой в 1938 году пишет пьесу «Путь к победе» об интервенции капиталистических держав в Россию во время Гражданской войны и о роли Сталина в отражении этой интервенции и приступает к работе над повестью «Хлеб» о разгроме белой армии под Царицыном в 1919 году, Василий Ян выпускает первый роман из трилогии «Нашествие монголов», Валентин Костылев публикует роман «Козьма Минин» и т. д. Еще отчетливее тот же сдвиг был заметен в реакции советского руководства на те или иные произведения искусства. В 1937 году Сталин рекомендовал переделать сценарий фильма «Великий гражданин» Фридриха Эрмлера, чтобы подчеркнуть, что речь в картине идет не просто о борьбе двух группировок, а о противостоянии двух программ, одну из которых народ поддерживает, а другую – нет²⁷. В 1940 году ЦК запретил пьесу Леонида Леонова «Метель», поскольку советская действительность изображалась в ней как «улей, который безопаснее любить издали»²⁸. В 1940 году, обсуждая фильм «Закон жизни», Сталин заявлял, что автор его сценария Александр Авдеенко не сочувствует большевикам, поэтому отрицательные герои выходят у него интереснее и привлекательнее, чем положительные²⁹.

На протяжении 1930-х годов соцреализм, предъявляя «правильный» образ будущего, мобилизовал население сначала на строительство, а затем на защиту социализма, однако после окончания войны обе эти задачи перестали быть актуальными. В предвыборном выступлении в феврале 1946 года Сталин заявлял, что победа в войне доказала и крепость социалистического строя, и поддержку народом политики партии: ни строительство, ни защита социализма больше не были связаны с образом будущего. Новой миссией государства стало продвижение советского социализма как самого прогрессивного общественного строя, успешность которого доказала победа СССР в войне, за пределы отдельно взятой страны. Таким образом, после строительства и защиты советского социализма начинался период его экспансии: если раньше советский проект был больше сосредоточен на самом себе, то теперь он обращался вовне. Это требовало радикального переустройства соцреалистического дискурса: его главной задачей становилось предъявление внешнему миру нового образа страны. Советская жизнь и советский народ, которые раньше были объектом воздействия и созидания, превращались в объекты демонстрации. Мобилизация сменялась репрезентацией: от культуры больше не требовалось строить социализм и защищать его – теперь его необходимо было показывать, причем так, чтобы он оказался понятен невовлеченной аудитории. Социалистический проект больше не был экспериментом, за ходом которого с интересом следил мир, он уже являл собой новый великий строй, готовый повести мир за собой. С этим была связана главная перемена. Раньше соцреалистический метод работал с будущим, разглядывая его приметы в окружающей действительности и наполняя ее новыми образами, теперь задача менялась: чтобы предъявить всему миру величие СССР, в окружающей действительности необходимо было разглядеть не будущее, а некое альтернативное настоящее. Это переводило соцреализм на новый уровень, в каком-то смысле бросало ему вызов. Столь радикальные перемены в устройстве культуры не

²⁵ Одним из триггеров для перехода от идеологии строительства к идеологии защиты стала та же Конституция 1936 года – в ходе ее обсуждения выяснилось, что политика партии, вопреки декларациям, отнюдь не пользуется всенародной поддержкой. См.: *Hoffmann D. Stalinist Values*. P. 154.

²⁶ Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. М., 2019. С. 30.

²⁷ Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005. С. 383.

²⁸ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 449.

²⁹ Там же. С. 454.

могли произойти стихийно, они требовали идеологического руководства и координации, и в этой книге мы рассмотрим, как эти перемены осуществлялись и к чему они привели.

29 декабря 1945 года Политбюро приняло решение о возвращении бывшего первого секретаря Ленинградского горкома партии Андрея Жданова в Москву – спустя сутки он уже был в Кремле. Его переезд превратил правящую «пятерку» (Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Микоян) в «шестерку», изменив расстановку сил в ближайшем окружении Сталина. 10 февраля Жданов был выбран депутатом Верховного Совета, 12 марта назначен председателем Совета Союза Верховного Совета СССР³⁰, 13 апреля в его ведение было передано Управление пропаганды и агитации и Отдел внешней политики ЦК, в начале мая – руководство всем аппаратом ЦК, Оргбюро и Секретариатом. 7 ноября 1946 года торжественная речь Жданова открывала празднование 29-й годовщины революции, что демонстрировало его высокий статус в иерархии власти: в 1945 году эту роль исполнял Молотов, а до этого на протяжении четырех лет – лично Сталин. 9 декабря портрет Жданова был опубликован на обложке журнала Time – к этому моменту во всем мире его воспринимали как второго человека в СССР после Сталина, и с точки зрения объема переданных ему полномочий это соответствовало действительности.

«Эпоха Жданова» в послевоенной советской культуре продолжалась сравнительно недолго: руководство вопросами идеологии ему было передано 13 апреля 1946 года, а уже 30 августа 1948 года он умер от инфаркта в санатории ЦК ВКП(б). Хронологические рамки того, что принято называть «ждановщиной», оказываются и того уже: от постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» 14 августа 1946 года до постановления об опере «Великая дружба» 10 февраля 1948 года. В промежутке между ними было развернуто несколько идеологических кампаний (прежде всего – по борьбе с «низкопоклонством перед Западом»), проведена философская дискуссия, организованы «суды чести» для интеллигенции, но фундаментом послевоенного руководства культурой оставались четыре ждановских постановления, содержавшие указания о перестройке литературы, театра, кино и музыки в соответствии с новым послевоенным курсом советской идеологии.

Эти постановления, как и весь ждановский период, традиционно рассматриваются как возвращение к довоенным практикам в отношении культуры, восстановление жесткого государственного руководства после идеологических послаблений военных лет. Несмотря на то что непосредственно во времена «ждановщины» репрессии носили сравнительно мягкий характер, ее целью принято считать возвращение в культуру тотального контроля, атмосферы страха и если не самих репрессий, то как минимум памяти о них³¹. К такой трактовке подталкивают и само слово «ждановщина», ассоциативно отсылающее к «ежовщине», и общая тенденция видеть в послевоенной советской политике в первую очередь восстановление довоенных практик и институтов³². В сравнении с ранним (1927–1935) и высоким (1935–1945) сталинизмом послевоенная эпоха – поздний сталинизм (1946–1953) – действительно выглядит не слишком впечатляюще³³. Советские тридцатые остались в истории десятилетием амбициозных проектов

³⁰ Согласно Конституции 1936 года, Верховный Совет СССР имел две равноправные палаты – Совет Союза и Совет Национальностей. Предполагалось, что в Совете Союза представлены общие интересы всех трудящихся СССР независимо от их национальности, а в Совете Национальностей – интересы народов СССР, связанные с их национальной спецификой.

³¹ Fürst J. *Late Stalinist Society: History, Policies and People // Late Stalinist Russia: Society Between Reconstruction and Reinvention*. Abingdon; New York, 2006. P. 9; *Зубкова Е.* Послевоенное сталинское общество: политика и повседневность. М., 2000. С. 186.

³² *Kotkin S.* *Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjuncture // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 2. № 1. Winter 2001. P. 115; *Fitzpatrick S.* *Late Stalinism in Historical Perspective // Late Stalinist Russia*. P. 274.

³³ Для удобства мы воспользовались здесь условной периодизацией сталинской эпохи, предложенной Евгением Добренко

и великих строек, они поражали масштабом – и созидания, и разрушения. На их фоне вторая половина 1940-х годов меркнет, предстает тусклым повторением. Отчасти этот эффект возникает из-за того, что к этому периоду мы подходим с мерками 1930-х: оцениваем амбиции и действия власти по их влиянию на советское общество. В период раннего и высокого сталинизма главным объектом трансформации выступало именно общество: в нем воспитывали классовое сознание, его учили правильно работать и правильно отдыхать, приобщали к культуре и культурности, мобилизовали на строительство государства и его защиту. В искусстве, официальных выступлениях, печати обществу постоянно объясняли, каким оно должно стать, предлагали все новые образы, к которым надо стремиться. Этот процесс не был односторонним: образы будущего увлекали советских людей, и они стремились к тому, чтобы им соответствовать³⁴. Но после войны производство новых образов снижается, если не сказать останавливается – это заметно и в риторике власти, и в культуре. Что еще важнее, советское общество перестает быть главным объектом воздействия, центром внимания и приложения усилий власти: от него по-прежнему многого требуют, но почти ничего ему не обещают. Проект грандиозного будущего, который прежде оправдывал лишения и усилия, после войны заметно отдаляется: социалистическое будущее объявляется уже наступившим, коммунистическое же продолжает оставаться слишком призрачным. Это во многом объясняет, почему в памяти большинства мемуаристов послевоенные годы остались мрачной эпохой: в отсутствие ожиданий тяготы текущей жизни, тревоги и страхи нечем было ни оправдать, ни уравновесить. Привычный взгляд на ждановщину как на время мрачного культурного застоя тоже берет свое начало именно здесь.

Сравнивая состояние советской культуры 1930-х и 1940-х годов, английский философ Исая Берлин писал, что в тридцатые в интеллектуальной жизни царил «мрачное оживление», но после войны не осталось и его: интеллектуальная и художественная жизнь полностью застыли³⁵. Похожего взгляда на поздний сталинизм придерживается и значительная часть историков: ждановскую политику в области культуры принято рассматривать как имитацию культурной жизни, прикрывающую стремление окончательно убить в ней все живое. Постановления Жданова, отмечал один из главных исследователей позднего сталинизма Евгений Добренко, на самом деле ничего не постановляют: это «символические документы, знаменующие собой новый статус власти, единственной публичной функцией которой становится демонстрация себя самой»³⁶. Другой специалист по сталинской эпохе Шейла Фицпатрик делала похожий вывод: ждановщина давала понять, что советское общество не ждет ни либерализация, ни обновление³⁷. Для обоих исследователей подлинный смысл ждановских постановлений оказывается не связанным напрямую с их содержанием, а само это содержание не заслуживает первостепенного внимания. В лучшем случае эти постановления выступают актами бессмысленного самовоспроизводства власти, в худшем – актами ее самоутверждения. Однако такая редукция ждановских выступлений к чисто перформативной функции, как представляется, сильно сужает понимание этой эпохи.

В изучении позднесталинского периода существует отчетливый парадокс. С одной стороны, редкое исследование обходится без упоминания холодной войны. Важность этого противостояния никем не оспаривается и подчеркивается практически всеми авторами, но его механика исследуется однобоко. Холодная война оказывается важным фактором в изучении внешней политики и дипломатии, но в работах, посвященных внутренней политике и тем более культуре, она фигурирует в лучшем случае как фон, не игравший непосредственной роли в описываемых событиях. Чуть больше в этом смысле повезло истории науки: актуальность меж-

(Добренко Е. Поздний сталинизм. М., 2020. Т. 1. С. 15).

³⁴ См.: Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2017.

³⁵ Берлин И. История свободы. Россия. М., 2014. С. 396, 409.

³⁶ История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М., 2011. С. 381.

³⁷ Fitzpatrick S. Late Stalinism in Historical Perspective. P. 274.

дународного соревнования в случае атомного проекта или так называемого «дела КР»³⁸ не вызывает вопросов. Истории культуры повезло меньше: холодная война часто упоминается здесь в связи с кампанией по борьбе с «низкопоклонством», но этим протокольным упоминанием дело по большей части и ограничивается. В западной советологии, возникшей как дисциплина во многом именно благодаря холодной войне, международный аспект в изучении советской культуры занимает более важное место, но и здесь в центре внимания оказывается не внутренняя политика, а опыт взаимодействия с советской культурой за пределами СССР – различным аспектам соревнования культур посвящено немало работ³⁹. В отечественной традиции послевоенная культура и культурная политика рассматриваются преимущественно в контексте внутренних взаимоотношений власти и творческой интеллигенции, а внешнеполитические аспекты, за исключением отдельных работ, посвященных частным эпизодам воздействия международного контекста на внутреннюю культурную политику, практически не привлекают внимания. Как отмечал Евгений Добренко во введении к двухтомному «Позднему сталинизму», особенность послевоенной культуры заключалась в том, что это была культура уникальной войны, которая позиционировалась как война с внешними врагами, но велась внутри страны⁴⁰. При таком взгляде внешний мир оказывается чем-то не вполне существующим – во всяком случае не слишком релевантным для анализа перипетий внутренней культурной политики. Холодная война как будто упоминается, но одновременно вымывается из повествования, из-за чего оно лишается важных внутренних связей. Культурная холодная война велась в том числе и внутри страны, но без внешнего контекста ее битвы теряют смысл.

Для понимания холодной войны важно еще одно обстоятельство. Мы знаем, кто одержал в ней победу, и переносим это знание в прошлое: нам кажется, что холодная война была соревнованием, в котором победителя должна была определить история. Но у советского руководства в послевоенный период никакого сомнения в том, на чьей стороне история, не было: победа над Германией была ярким доказательством благосклонности истории к СССР. С советской стороны холодная война начиналась не как битва с неизвестным финалом, а как приближение известного: задачей было не завоевать превосходство, а продемонстрировать его той части мира, от которой движение истории было пока еще скрыто, и тем самым ускорить ход истории. С этой точки зрения холодная война была не столько противоборством двух систем, сколько своеобразным «конкурсом красоты». Именно поэтому большую роль в ее перипетиях играли проблемы репрезентации: для советского руководства холодная война с самого начала была конкуренцией не систем, а их образов.

Поздний сталинизм часто рассматривают как гомогенный этап, суть которого проявилась со всей ясностью к его финалу, поэтому в изучении начального послевоенного периода традиционно больше внимания уделяют предвестникам этого финала – признакам приближающихся репрессий, воинственным заявлениям, демонстрациям силы и т. д. Первые послевоенные годы выступают тут прелюдией к той политике, которая начнется в 1948 году с убийства Соломона Михоэлса, захвата коммунистами власти в Чехословакии, блокады Берлина и т. д. Так же принято смотреть и на ждановщину, представляющую в различных исследованиях манифестацией возвращения к репрессиям и подготовкой к тотальной чистке культуры. В этой книге предпринимается попытка изменить оптику и посмотреть на ждановскую политику в области культуры

³⁸ Аббревиатура «дела Ключевой – Роскина». В октябре 1946 года академик-секретарь Академии медицинских наук СССР В. В. Парин, будучи в США, передал Советско-американскому обществу рукопись книги исследователей Нины Ключевой и Григория Роскина о биотерапии рака. По возвращении Парин был арестован за разглашение государственной тайны, а Ключева и Роскин подвергнуты «суду чести». Подробнее см.: *Есаков В. Левина Е.* Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.

³⁹ См., например: *Сондерс Ф. С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2016; *Caute D.* The Dancer Defects. The Struggle for Cultural Supremacy during the Cold War. New York, 2003.

⁴⁰ *Добренко Е.* Поздний сталинизм. Т. 1. С. 36.

с другой точки зрения: не что за ней последовало, а что ею двигало. Этим внутренним двигателем в нашем изложении будет выступать стремление руководства СССР предъявить достижения социалистического строя внешнему миру и перестроить советскую культуру с мобилизационных установок на репрезентационные. Это переустройство было амбициознее, чем может показаться: прежде советская культура обращалась преимущественно к внутренней аудитории, теперь же ее адресатом становился весь мир, который необходимо было убедить в том, что Советский Союз стал первой в мире социалистической сверхдержавой. Иными словами, ждановская политика рассматривается нами не как глобальная «заморозка» советской культуры, а как эксперимент по ее переформатированию.

Андрей Жданов остался в истории одиозной фигурой – «душителем культуры», самоуверенным парвеню, не стеснявшимся объяснять Шостаковичу и Прокофьеву, как писать музыку, а Ахматовой и Зощенко – что такое литература. В западной историографии предпринимались попытки подвергнуть этот образ ревизии. Самая заметная из них – книга Вернера Хана «Послевоенная советская политика. Падение Жданова и разгром умеренного лагеря, 1946–1953», вышедшая в Лондоне в 1982 году⁴¹. Послевоенный период Хан рассматривает в контексте противостояния Жданова Берии и Маленкову, в котором Жданов оказывается положительным героем: он сопротивляется догматизму, поощряет творческий подход и в целом придерживается умеренных позиций, хотя и вынужден прибегать к идеологическим кампаниям в рамках политического маневрирования. Однако предложенный Ханом подход за прошедшие с момента выхода его работы десятилетия не приобрел большого количества последователей: не только потому, что культурная репутация жертв Жданова, оставивших о нем самые уничтожительные отзывы, по-прежнему чрезвычайно высока, но и потому, что Хан наделял Жданова большой политической самостоятельностью, а это противоречит сложившемуся представлению, что в окружении Сталина такой автономией никто не обладал.

Жданов действительно не был идеологом послевоенного курса. Все ключевые тексты, ассоциирующиеся со «ждановщиной», вдохновлены лично Сталиным. Это сталинские выступления на Оргбюро 9 августа 1946 года, тщательно законспектированные Ждановым, легли в основу доклада и постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» и постановления о кинофильме «Большая жизнь»⁴². Это посещение Сталиным постановки «Великой дружбы» стало толчком к началу новой кампании по борьбе с формализмом в музыке. Именно Сталин ввел в послевоенную риторику слово «низкопоклонство», разругав в секретной телеграмме Молотова, Берии, Маленкова и Микояна за публикацию в «Правде» похвал Черчилля в адрес России и лично Сталина⁴³. Более того, само внезапное возвращение Жданова в центр политической жизни тоже было организовано Сталиным с целью создать противовес приобретшим существенный политический вес за время войны Молотову, Берии и Маленкову – не случайно возвышение Жданова разворачивалось на фоне кампаний, так или иначе ослаблявших позиции трех его оппонентов⁴⁴. Жданов выступал при Сталине исполнителем и организатором, но и в этом качестве не проявлял какой-то особой изобретательности. Он пользовался старыми формулировками и черпал вдохновение в старых кампаниях. И Зощенко, и Ахматова, и Шостакович не были новыми героями партийных проработок, и Жданов не скрывал преемственности: например, в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» он напоминал о том, что в годы войны Зощенко уже становился объектом критики, а в постановлении об опере «Великая дружба» цитировал статью «Сумбур вместо музыки», в которой в 1936 году был осужден

⁴¹ Hahn W. Postwar Soviet Politics. The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–53. Ithaca; London, 1982.

⁴² Стенограммы этих выступлений Сталина сохранились и были опубликованы. Выступление Сталина на заседании Оргбюро ЦК по вопросу о ленинградских журналах см. в: Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1937–1956. М., 2005. С. 573–576. Выступление с критикой кинофильмов см. в: Власть и художественная интеллигенция. С. 581–584.

⁴³ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 31.

⁴⁴ Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 21–39.

формализм в творчестве Шостаковича. Тем не менее роль Жданова не была сугубо технической: он превращал идеи Сталина в постановления и кампании, доносил его мысли до партработников и деятелей культуры, а значит, именно от него во многом зависело, что из сказанного Сталиным превратится в руководство для всей страны. Жданов был исполнителем, но в случае идеологии и культуры качество исполнения нередко оказывалось ключевым фактором. С этой точки зрения фигура Жданова заслуживает особого внимания, а его предыдущий политический опыт позволяет чуть лучше понять его деятельность после войны.

Жданов не был старым большевиком: во время революции ему было 21 год, хотя он уже два года являлся членом РСДРП(б). Его политическая карьера началась в середине 1920-х годов в Нижнем Новгороде, но настоящий взлет случился в 1934 году, когда он был переведен из Горького в Москву и сразу стал приближенным Сталина (в 1934 году он провел в кабинете последнего 278 часов, по продолжительности общения с ним уступив только Молотову и Кагановичу⁴⁵). Перевод состоялся вскоре после XVII партсъезда – «Съезда победителей», – и это обстоятельство немаловажно: карьера Жданова началась в один из самых благополучных моментов в истории Советского Союза – индустриализация идет полным ходом, оппозиции больше нет, социализм почти построен, враги почти разоблачены и даже Киров еще жив. Практически сразу после перевода в Москву Жданов начал готовить Первый съезд советских писателей, который состоялся в августе 1934 года и стал одновременно и точкой отсчета новой советской культуры, и первым ее официальным представлением внешнему миру. После убийства Кирова Жданов становится главой парторганизации Ленинграда⁴⁶, но остается главным визави Сталина по вопросам культуры – как утверждал впоследствии его сын, именно благодаря Жданову, например, была восстановлена в правах опера Глинки «Жизнь за царя»⁴⁷. Роль культуры в этот период существенно повышается: она становится и основополагающим каналом предъявления достижений СССР (в том числе на внешнем уровне), и способом политической коммуникации. Именно культура оказывается пространством консолидации международных антифашистских сил и их открытого противостояния странам фашистского блока⁴⁸. Не в последнюю очередь благодаря культурным связям Советский Союз наконец начинает играть заметную роль на мировой арене, и этой интеграции уделяется повышенное внимание: в замечаниях по поводу конспекта учебника истории СССР, составленных Сталиным, Кировым и Ждановым, отмечалось, что стране нужен такой учебник, «где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории»⁴⁹.

Послевоенное возвращение Жданова в высший эшелон власти происходит в схожей обстановке. Жданова переводят в Москву в период нового благополучия и новой открытости государства внешним связям, когда благодаря победе международный престиж СССР казался высок как никогда и когда весь мир снова увидел в нем спасителя и проводника в будущее – во всяком случае, именно так представляло себе этот взгляд тогдашнее советское руководство. Задачей Жданова становится снова использовать культуру для укрепления международных связей и консолидации политического капитала страны, что означало необходимость приспособить советскую культуру к задачам внешней пропаганды, а это, в свою очередь, подразумевало практически полный отказ от приоритетных установок военного периода. Ждановские

⁴⁵ Вольнец А. Жданов. М., 2013. С. 154.

⁴⁶ В 1936–1945 годах основной должностью Жданова был пост первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

⁴⁷ Жданов Ю. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004. С. 83.

⁴⁸ См.: Кларк К. Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М., 2018. С. 246–301; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015. С. 479–498.

⁴⁹ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // Правда. 1936. 27 января. С. 2 (Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М., 2007. С. 32).

постановления и кампании и были попыткой осуществить это переустройство, заставить культуру работать на внешний престиж СССР и способствовать экспансии советского социализма, а одновременно отсечь от советской культуры все, что не способно выполнять эту роль. Эта книга – попытка описать послевоенное ждановское руководство культурой в очерченном контексте.

Книга состоит из десяти глав, каждая из которых представляет собой отдельный сюжет. Эти сюжеты самостоятельны и разномасштабны: в одних главах в центре повествования оказываются идеологические кампании и массивные сдвиги в культурной политике, в других – конкретные постановления, в третьих – их отдельные герои. Эта разномасштабность представляет собой опыт сознательной смены оптики исследования, попытку взглянуть на эпоху в разных приближениях и тем самым лучше настроить взгляд. Конечно же, представленные сюжеты не охватывают всего многообразия культурной жизни ждановской эпохи: среди них, например, нет ни знаменитой философской дискуссии, посвященной обсуждению книги Георгия Александрова «История западноевропейской философии», ни громкого «дела КР», не уделяется отдельное внимание ни театру, ни изобразительному искусству. Рассмотренные ниже десять сюжетов не претендуют на исчерпывающее описание ждановского периода, но предлагают немного иначе взглянуть на его узловые моменты и, возможно, чуть лучше его понять.

Первая глава посвящена антисоветской кампании в западной прессе, ставшей одним из важнейших триггеров усиления напряженности в отношениях с бывшими союзниками после войны. Сталин всегда уделял большое внимание тому, что говорили и писали об СССР за его пределами, и появление антисоветских публикаций было воспринято им как спланированная атака на престиж государства. Эта атака в значительной степени пошатнула уверенность советского руководства в устойчивости международного положения СССР и заставила форсировать идеологическое наступление.

Во второй главе речь идет о работе Советского информбюро после войны и о том, почему советская пропаганда не смогла дать информационный отпор антисоветской кампании и была вынуждена задействовать культуру для трансляции нужного взгляда на Советский Союз.

В центре третьей главы – начало ждановской политики в области культуры: постановление о кинофильме «Большая жизнь» и попытка перевести советский кинематограф с мобилизационных установок на репрезентационные. Хотя самой громкой (и хронологически первой) декларацией «ждановщины» было постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», послевоенная трансформация советской культуры началась именно с кино, ставшего опытной площадкой для конструирования нового образа государства.

Четвертая глава посвящена Михаилу Зощенко – одному из двух главных фигурантов постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Предъявленные ему обвинения в том или ином виде присутствовали и в постановлениях о кино и театре, но только в его случае они носили персональный характер. В главе предлагается объяснение того, как это было связано с репутацией Зощенко и особенностями литературы как средства пропаганды.

В пятой главе повествование возвращается к постановлению о кинофильме «Большая жизнь», но сосредоточивается на двух его героях, прежде остававшихся в тени: режиссерах Всеволоде Пудовкине и Сергее Эйзенштейне. Эта глава посвящена историческому кино и тому, какую роль оно играло в культуре, сделавшей ставку на современность. В первой части рассказывается о фильме «Адмирал Нахимов» и о том, как в истории его редакции отразились внимание советского руководства к антисоветским публикациям и забота об имидже страны. Во второй части тот же сюжет рассматривается на примере запрета второй серии «Ивана Гроз-

ного», также обусловленного нежелательными ассоциациями с антисоветскими выступлениями на Западе.

Шестая глава посвящена второму фигуранту постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» – Анне Ахматовой, оказавшейся задеистой в конфликте между двумя историями советской литературы, официальной советской, с одной стороны, и получившей распространение на Западе – с другой. В главе рассказывается, как жизненная стратегия невключенности Ахматовой в официальную жизнь в контексте начала холодной войны приобрела антисоветский облик.

В центре седьмой главы – кампания по борьбе с «низкопоклонством» в литературоведении, маркировавшая перемены в соотношении между изоляционизмом и интернационализмом в послевоенном СССР. В главе рассматривается несколько эпизодов внутренней и внешней советской культурной политики, связанных общим сюжетом – переходом от интеграции сначала к отделению от западного мира, а затем к замещению его «альтернативным Западом».

Восьмая глава посвящена постановлению об опере «Великая дружба» и послевоенной кампании по борьбе с формализмом в музыке. В ней утверждается, что, вопреки расхожему мнению, смысловым центром постановления была не борьба с модернистской музыкой, а проект создания новой советской классики, которая должна была стать выражением мирового превосходства советской культуры.

Девятая глава посвящена борьбе с «буржуазным национализмом» в советских республиках и тому, какое отношение выстраивание единого общесоветского исторического нарратива имело к внешней репрезентации СССР.

Десятая глава рассказывает об изменениях культурной политики после Жданова – о том, как репрезентационный проект превратился в репрессивный и как дело Еврейского антифашистского комитета и кампания по борьбе с космополитизмом обозначили собой прощание со ждановским курсом.

Глава 1

КАК ЗАКАЛЯЛСЯ ЗАНАВЕС АНТИСОВЕТСКАЯ КАМПАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ПРЕССЕ КАК ФАКТОР ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ

5 марта 1946 года бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль выступил с речью в Вестминстерском колледже в американском городе Фултоне. Подчеркнув общность политических традиций и историческую близость Великобритании и США, Черчилль заявил, что никто не может знать, чего ждать от другого союзника по антигитлеровской коалиции – Советской России. На сцену послевоенной жизни, утверждал он, легла черная тень – тень от железного занавеса, разделившего Европейский континент. По одну его сторону оказались страны, защищавшие демократические ценности, права и свободы, по другую жизнь подчинилась тотальному контролю полицейских государств, управляемых из Москвы. Распространивший свое влияние на страны Центральной и Восточной Европы советский режим, утверждал Черчилль, теперь представляет угрозу и для оказавшихся в его власти народов, и для всего остального мира.

Фултонская речь Черчилля – один из самых известных текстов начала холодной войны, нередко – точка ее отсчета. Черчилль ввел в послевоенный дискурс концепцию биполярного мира и образ железного занавеса, а также первым публично обозначил переход бывших союзников от сотрудничества к конфронтации. Речь вызвала в СССР эмоциональную реакцию: 14 марта в «Правде» было опубликовано интервью Сталина, в котором он обвинил Черчилля в попытке развязать новую войну и сравнил его с Гитлером. «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира»⁵⁰. Черчилль действительно употреблял слово «раса» (race), говоря о нациях, обеспечивающих порядок в Европе, и ставил перед англоговорящими народами задачу противостоять угрозе коммунизма, однако призывов к войне в его речи не было. Их и не могло быть: хотя среди его слушателей присутствовал президент США Гарри Трумэн, Черчилль выступал в Фултоне не как официальный представитель Великобритании, а как частное лицо. Для Сталина, однако, важнее оказались не конкретные обстоятельства выступления, а его контекст.

Примерно за месяц до выступления Черчилля в Фултоне Сталин обратился с предвыборной речью к московским избирателям. Оглядываясь на прошедшую войну, он утверждал, что ее исход стал доказательством несостоятельности западной критики в адрес СССР: оказались посрамлены и те, кто сравнивал советскую систему с «карточным домиком», и те, кто говорил, что советский строй навязан населению и является искусственным, и те, кто не верил в силу Красной армии и моральный дух советских людей⁵¹. Все они, прежде ругавшие Советский Союз, теперь превозносили его. Для Сталина, с болезненным вниманием следившего за тем, что говорилось о СССР за его пределами, в этой перемене интонации состояло одно из

⁵⁰ Интервью тов. И. В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. 14 марта. С. 1 (*Сталин И. В.* Сочинения. Т. 16. Ч. 1. С. 221).

⁵¹ Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. // Правда. 1946. 10 февраля. С. 1 (*Сталин И. В.* Сочинения. Т. 16. Ч. 1. С. 198–210).

важнейших завоеваний войны. Фултонская речь Черчилля, снова предъявлявшая Советский Союз как угрозу для остального мира, ставила это завоевание под вопрос.

«С чем сейчас выступает Черчилль? Он выступает со старой клеветой против Советского Союза, стараясь по-старому, как это он делал 20 с лишним лет тому назад, напугать весь мир ужасами советской „экспансии“, несущей угрозу „подлинной демократии“ на Западе» – так речь Черчилля была представлена в «Правде» за несколько дней до публикации интервью Сталина⁵². Сравнение с Гитлером и обвинения в попытке развязать новую войну Черчилль заслужил за возрождение старых стереотипов об СССР как угрозе европейской цивилизации и ее ценностям – те же стереотипы десятью годами ранее были использованы немецкой пропагандой для дискредитации СССР и подготовки к войне. Как и Гитлер, Черчилль обнаруживал способность стремительно менять отношение к СССР: пока шла война, утверждалось в статье в «Правде», он в своих выступлениях указывал на выдающуюся роль Советского Союза, но, когда опасность прошла, перестал скрывать враждебное отношение к советскому народу и снова достал из архива «пугало большевистской опасности».

Проблема была не в частном неприятии Черчиллем Советского Союза. У советского руководства было достаточно оснований считать, что выступление Черчилля было лишь выходом на поверхность перемен в отношении к СССР всего британского руководства. Как следовало из многочисленных донесений, с осени 1945 года в британских изданиях стали появляться материалы, касавшиеся неподобающего поведения советских войск в Европе. Для советского руководства эти публикации были свидетельством того, что Великобритания больше не придерживалась лояльности по отношению к СССР и не боялась демонстрировать это публично. Речь Черчилля в Фултоне в этом контексте смотрелась не как частное выступление некогда влиятельного политика, а как выражение нового курса правительства Великобритании. Сами эти публикации в контексте выступления Черчилля тоже приобретали дополнительный вес и оказывались недвусмысленным свидетельством того, что английская пропаганда поставила себе цель скомпрометировать Советский Союз в глазах европейских народов. Впрочем, и до речи Черчилля эти публикации вызывали у советского руководства изрядную тревогу.

⁵² Черчилль бряцает оружием // Правда. 1946. 11 марта. С. 1.

«НЕДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ»

5 октября 1945 года замначальника Совинформбюро Соломон Лозовский направил в ЦК ВКП(б) и НКВД СССР докладную записку о деятельности союзников по дискредитации Красной армии, сопроводив ее обзором публикаций западной прессы, касавшихся поведения советских войск в Германии и других странах. Подборка начиналась со статьи Оссиана Гулдинга «О беззакониях, творимых русскими в Берлине», напечатанной в британской газете Daily Telegraph & Morning Post, а затем распространенной агентством Reuters и лондонским радио. Гулдинг обвинял солдат и офицеров Красной армии в том, что они по ночам являются в районы, находящиеся под властью союзников, и совершают убийства, изнасилования и грабежи гражданского населения: только в августе 1945 года, утверждал он, в английском секторе Берлина было совершено 12 убийств, 161 вторжение в дома, 1458 краж и множество нападений на женщин⁵³. Аналогичные публикации были обнаружены и в других английских изданиях, таких как Manchester Guardian, Daily Mail и Daily Herald. Лондонское радио возлагало ответственность за беспорядки в английской зоне на советское командование, не сумевшее обеспечить дисциплину, газета Times писала о решении межсоюзной комендатуры Берлина принять «суровые меры против бесчинств русских в английской зоне оккупации» и о готовности советского коменданта оказать поддержку⁵⁴.

Сообщения о бесчинствах русских распространялись и за пределами Англии: статья Гулдинга была перепечатана сначала в венской Weltpresse, а затем в нескольких датских газетах. В венской публикации были выделены такие слова: «Сегодня трудно найти английского солдата, который не смог бы рассказать какую-нибудь историю о плохом поведении отдельных русских». В словацкой Catholic Herald речь шла уже не об отдельных эксцессах, а о тотальном беззаконии советского оккупационного режима, в датских газетах советская оккупация сравнивалась с немецкой – причем в пользу последней⁵⁵. В США освещением вопроса занялась New York Times, опубликовавшая серию статей своего венского корреспондента «о злоупотреблениях русских, их нападениях на женщин, ограблении частных домов и вывозе промышленного оборудования» – газета утверждала, что ей удалось обратить на проблему внимание Москвы, но и оттуда не смогли навести порядок в оккупационных войсках. New York Post и вовсе писала, что «чертовы русские хуже немцев». Chicago Tribune сообщала, что на территории нескольких немецких городов изнасилованиям со стороны советских солдат подверглись все женщины в возрасте от 12 до 60 лет: пытавшиеся воспрепятствовать этому отцы и мужья были убиты, а сами девушки и женщины впоследствии кончали жизнь самоубийством – их трупы вывозили из городов на грузовиках⁵⁶. Шведские газеты со ссылкой на Reuters и Associated Press писали о том, что в Вене русские грабят американских офицеров и устраивают бои с французскими военными, делая вывод, что сотрудничества между союзниками больше не существует. Японские издания сообщали о зверствах русских на Южном Сахалине⁵⁷.

В ноябре 1945 года похожая картина была представлена в справке «О политическом положении в Германии», подготовленной для Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (далее – УПА). Анализируя взаимоотношения с бывшими союзниками и местным населением в зонах оккупации, автор документа предъявлял антисоветские публикации как существенный

⁵³ РГАСПИ. Ф 17. Оп. 125. Д. 316. Л. 84–85.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф 17. Оп. 125. Д. 316. Л. 88.

⁵⁵ Там же. Л. 89, 96.

⁵⁶ Там же. Л. 90–94.

⁵⁷ Там же. Л. 97–98.

фактор, осложняющий работу советской пропаганды. Здесь фигурировали новые примеры, в частности сообщение британского агентства Exchange Telegraph о том, что в Берлине с мая по август 1945 года произошло 40 невыясненных убийств, и в 25 случаях подозрение падало на русских, более того, «стало обычным явлением, что русские солдаты уводят немецких гражданских лиц из зон союзников. Иногда это делается в ночное время, а иногда немцев под каким-нибудь предлогом заманивают в русскую зону, где они затем исчезают. С августа пропало 1150 человек»⁵⁸. Также упоминалась трансляция лондонского радио на немецком языке, в которой констатировалось, что «русская политика потерпела поражение из-за недисциплинированности некоторых элементов в тыловых частях» и из-за того, что «русские солдаты совершали и совершают бесчинства».

Авторы обоих обзоров рассматривали антисоветские публикации как часть скоординированной кампании по дискредитации СССР, организованной британской и американской пропагандой. Утверждалось, что возросший после войны престиж Советского Союза и «любовь широких масс во всем мире к Красной армии и Советскому Союзу» испугали правящие круги западных стран, поэтому для того, чтобы остановить всеобщее «полевение масс», было решено нанести удар по авторитету Советского Союза, дискредитировав Красную армию⁵⁹. Зачинщиками кампании считались англичане, которые активнее всех распространяли компрометирующие советские войска материалы⁶⁰. Отдельно отмечалось, что в западной печати не появлялось никаких сведений относительно неподобающего поведения союзнических войск, в связи с чем Лозовский даже предлагал Молотову и Маленкову дать указание политсоветникам и политотделам в Германии, Австрии и других странах «подбирать факты недисциплинированности английских, французских и американских солдат и офицеров и присылать эти материалы в Москву для использования в мировой печати»⁶¹.

Общая интонация, с которой эти публикации преподносились в специальных обзорах зарубежной печати, была возмущенно-недоверчивой: везде подчеркивалось, что западные издания раздувают отдельные эксцессы «до крайних пределов нелепости»⁶². Скепсиса были исполнены и сами пересказы западных публикаций. Вот, например, как подавалось одно из сообщений агентства Reuters: «Оно объявило на весь мир, что в британской зоне Берлина, да и во всем Берлине, не осталось ни одного немецкого ученого. Куда же они делись, что с ними стряслось? По словам агентства, русские похитили всех ученых, всех до единого»⁶³. Тема похищения пользовалась популярностью у советских референтов: в августе 1946 года, например, было сообщено о том, что шведские газеты перепечатывали английские публикации об исчезновении в Берлине тысяч подростков в возрасте от 13 до 17 лет. Газеты утверждали, что некоторые матери видели, как их детей увозили в грузовых машинах, и бросались за ними вслед, но сопровождающий конвой отгонял их выстрелами. Детей, как считали матери, увозили в Советский Союз, «чтобы обучать новому мировоззрению»⁶⁴. Составленные подобным образом обзоры не должны были оставить у читателя сомнений в том, что изложенные в западных публикациях сведения являются злостной клеветой и не могут рассматриваться всерьез. Однако читатели, которым предназначались эти закрытые дайджесты, безусловно, были осведомлены о действительном масштабе затрагиваемых в них проблем.

В мае 1944 года главный редактор газеты «Правда» Петр Поспелов направил Сталину письма писателя Бориса Полевого о проблемах во взаимоотношениях между военнослужа-

⁵⁸ Там же. Д. 321. Л. 230.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 316. Л. 99.

⁶⁰ Там же. Д. 321. Л. 230.

⁶¹ Там же. Д. 316. Л. 81–82.

⁶² Там же. Д. 321. Л. 232.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5131. Л. 75.

щими Красной армии и населением Румынии и Молдавии. Полевой указывал на факты мародерства, пьянства и хулиганства: «В селах, лежащих вдоль дороги, где ночуют маршевики или так называемые „отставшие“, которые по месяцам догоняют свою часть и которых, к слову сказать, развелось довольно много, они по ночам без церемоний врываются в избы, требуют еды, вина, в случае отказа крестьян или непонимания просьб (здешнее население почти не понимает ни по-русски, ни по-украински) открывается стрельба. В большом припрутском селе Кубань такие сцены происходят каждую ночь. Уже убили несколько крестьян. Был случай насилия, а таких происшествий, как битье стекол, взлом клуни, стрельба из автоматов в бочки с вином, драки и устрашающая стрельба в воздух, просто не перечесть»⁶⁵.

Полевой описывал происшествия в конкретном прифронтовом селе, но подобные сообщения поступали со всех точек следования советских войск. В Югославии местные власти зарегистрировали осенью 1944 года 121 случай изнасилования (из которых 111 сопровождались убийствами) и 1204 случая разбоя и мародерства с нападениями – и это при том, что Красная армия пересекла только северо-восток страны. Как отмечал впоследствии политик и диссидент Милован Джилас, югославское руководство смотрело на проблему как на политическую, югославские коммунисты – как на моральную: неужели это та самая идеальная и давно ожидавшаяся Красная армия?⁶⁶ Представитель Совинформбюро в Польше докладывал в Москву, что местный журналист рассказывал ему о бесчинствах одного пьяного красноармейца в Лодзи во время праздничной демонстрации, утверждая, что «факты мародерства, насилия над женщинами, грабежи со стороны советских военнослужащих подрывают в корень нашу пропаганду»⁶⁷. Вернувшийся из командировки в Венгрию секретарь Академии медицинских наук СССР профессор Василий Парин фиксировал в отчете о поездке «неприятный осадок, остающийся после посещения Венгрии в связи с недостаточно высокой культурой поведения наших военных»: «В поведении многих военных до сих пор, несмотря на год, прошедший после окончания военных действий, остались еще в значительной степени замашки, может быть, соответствующие времени суровых боев, но не режиму настоящего дня. Многие венгры очень охотно обращают на это внимание и пользуются любым случаем для того, чтобы колнуть этим тех венгров-коммунистов, которые вернулись в Венгрию после длительного пребывания в СССР»⁶⁸. То же отмечал посещавший в 1947 году СССР австрийский дирижер Йозеф Крипс, указывавший советской стороне, что австрийцы недоверчиво относятся к Советскому Союзу из-за эксцессов со стороны советских военнослужащих по отношению к гражданскому населению Австрии, которые имели место в период военных действий и в первые месяцы оккупации⁶⁹. Его впечатления подтверждали члены делегации Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (далее – ВОКС), посещавшие Австрию в 1946 году: они сообщали, что из-за «эксцессов со стороны военнослужащих Красной армии, имевших место по отношению к местному населению в период военных действий», Общество культурной связи с Советским Союзом испытывает серьезные трудности в привлечении широких слоев населения⁷⁰.

Хуже всего дело обстояло в Германии. «Убей немца, а потом завали немку. Вот он, солдатский праздник победы. А потом водрузи бутылку донышком вверх!»⁷¹ – это цитата из военных воспоминаний философа Григория Померанца. Аналогичные свидетельства обнаруживаются в фронтовых дневниках и письмах: убийства, грабежи, изнасилования, сопровождавшие

⁶⁵ «Мы предчувствовали полыханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – сентябрь 1945. Т. 2. Кн. 2. С. 142.

⁶⁶ Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 102.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 54. Л. 3.

⁶⁸ Там же. Д. 84. Л. 82.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 22. Д. 62. Л. 29 об.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 84. Л. 223.

⁷¹ Померанц Г. Записки гадкого утенка. М.; СПб., 2017. С. 171.

передвижение советских войск, с ужасом описывались не только немцами, но и некоторыми советскими военнослужащими⁷². Норман Наймарк, исследовавший советское присутствие в послевоенной Германии, писал, что полицейские архивы всех областей, оказавшихся в советской зоне оккупации, заполнены жалобами местных представителей правопорядка, лишенных оружия в первые месяцы оккупации, а потому неспособных защищать местное население от насильников «в униформе Красной армии»⁷³. В политдонесении о положении в Ростоке и его окрестностях в июне 1945 года отмечалось, что среди рабочего населения отношение к Красной армии хуже, чем в рядах интеллигенции, поскольку рабочие преимущественно проживают на окраинах городов, «где больше всего происходят насилия, грабежи и издевательства». Здесь же приводились примеры подобных происшествий: в городе Крепелин двое советских военных изнасиловали семилетнюю девочку, застрелив ее отца и мать; в Ростоке командир пулеметной роты выгнал из дома актрису, а его ординарец изнасиловал ее, угрожая оружием; в селе Альтесгаген группа бойцов собрала всех женщин под видом собрания, после чего большую часть из них изнасиловала, забрав их вещи⁷⁴. В провинции Мекленбург за 20 дней октября 1945 года было зафиксировано 14 изнасилований, 104 случая мародерства, 27 убийств, 943 грабежа, 416 краж со взломом – местные органы все эти инциденты относили на счет военнослужащих Красной армии⁷⁵. Несмотря на попытки советского руководства наладить дисциплину и покончить с поощрением преступного поведения, проблему не удалось решить и спустя год, хотя цифры стали заметно меньше. Согласно донесению из провинции Бранденбург, в мае 1946 года было зафиксировано 7 случаев изнасилований, 42 грабежа и 21 другое правонарушение со стороны советских военнослужащих, и это не считая мелкого воровства, пьяных дебошей и приставаний к женщинам⁷⁶. В Тюрингии за 20 дней июля 1946 года было зарегистрировано 189 случаев насилия, бесчинств «и прочих беззаконий» по отношению к местному населению со стороны военнослужащих, из них 9 изнасилований, 13 убийств, 31 случай самоуправства, 32 хулиганства, 45 краж и 59 грабежей – самые вопиющие случаи были подробно описаны в приказе начальника УСВА федеральной земли Тюрингия «О борьбе с бесчинствами военнослужащих по отношению к местному населению»⁷⁷. Даже в 1947 году в бюллетенях бюро информации Советской военной администрации в Германии (далее – СВАГ) продолжали печататься данные о неподобающем поведении советских военнослужащих. Например, в бюллетене от 10 января 1947 года сообщалось, что во второй половине декабря 1946 года только в одном комендантском районе Лейпцига произошло 30 случаев грабежей, изнасилований, вооруженных нападений и убийств (в частности, были убиты двое немецких полицейских, патрулировавших улицы)⁷⁸. В бюллетене от 5 февраля указывалось, что в период с 21 по 28 января в Берлине было зарегистрировано 21 происшествие с участием советских военнослужащих – и ни одного с участием военнослужащих других оккупационных армий⁷⁹.

Обилие подобных донесений позволяет предположить, что уже летом 1945 года советское руководство было широко осведомлено о масштабе проблемы неподобающего поведения советских военнослужащих в Европе, особенно в зоне оккупации Германии. В то же время

⁷² Подробнее о теме насилия над мирным населением в источниках личного происхождения см.: *Budnitskii O. The Intelligentsia Meets the Enemy: Educated Soviet Officers in Defeated Germany, 1945 // Fascination and Enmity: Russia and Germany as Entangled Histories, 1914–1945. Pittsburgh, 2012. P. 176–227.*

⁷³ *Naimark N. The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. Cambridge, 2001. P. 84.*

⁷⁴ СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945–1949: Сб. документов. М., 2006. С. 96.

⁷⁵ Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в советской зоне оккупации Германии. 1945–1949: Сб. документов. М., 2005. С. 458.

⁷⁶ *Naimark N. The Russians in Germany. P. 87.*

⁷⁷ СВАГ и немецкие органы самоуправления. С. 178–182.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 362. Л. 59.

⁷⁹ Там же. Л. 203.

западные публикации, касавшиеся этой проблемы, неизменно аттестовывались как клеветнические и призванные опорочить Советский Союз и рассматривались как проявление нескрываемой враждебности Запада, прежде всего Великобритании, к СССР. Такая реакция становится понятной, если посмотреть на эти публикации глазами советского руководства – не как на отражение реальности, а как на препятствие на пути выстраивания нового образа СССР за границей.

КУЛЬТУРНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

15 мая 1945 года, менее чем через неделю после подписания капитуляции Германии, советские фильмы демонстрировались в Берлине в 21 кинотеатре – за один этот день их посетило 22 тысячи зрителей, 16 мая – уже в 25 кинотеатрах, за день было дано 62 сеанса. Полковник Мельников, составлявший информационную сводку о мероприятиях в столице Германии, жаловался, что кинотеатров можно было открыть и больше, но не во все районы подавалось электричество, да и количество фильмов, имевшихся в распоряжении СВАГ, было ограничено. Реакция местного населения на советские фильмы была неоднозначной. Во время просмотра «Чапаева» несколько немцев покинули зал после сцены с «расстрелом психической атаки белых». В другой раз, когда в одном из фильмов было показано, как немецкие солдаты убивали русских детей, зал покинула почти половина зрителей⁸⁰. Но по большей части интерес к советским фильмам – особенно к развлекательным, таким как «Волга-Волга», «Цирк», «Василиса Прекрасная», – был велик, даже несмотря на то, что первое время они демонстрировались без какого бы то ни было перевода.

11 мая в Берлине состоялся концерт Красноармейского ансамбля песни и пляски. Зал кинотеатра «Колизей» был переполнен, выступление советской труппы встречали продолжительными аплодисментами. 14 мая комендант Берлина генерал Николай Берзарин встречался с представителями немецкой культуры, чтобы обсудить восстановление культурной жизни в городе⁸¹. 17 мая в Шарлоттенбурге был закончен ремонт драматического театра на 400 мест и камерного театра на 300 мест. Еще через несколько дней был открыт концертный зал на Мазуриналлее, в котором предполагалось давать концерты оркестра Берлинской оперы и балета. В полностью разрушенном бомбардировками Дрездене уже 6 июня состоялся концерт филармонического оркестра, а 1 июля прошло первое послевоенное выступление знаменитого «Кройцкора», дрезденского хора мальчиков⁸². К концу 1945 года в советской оккупационной зоне в Германии работало 104 театра, 1263 кинотеатра, 167 варьете. Даже англичане с восхищением и завистью отмечали, что размах культурной активности в советской зоне и преданность советских людей культурной миссии вызывали всеобщее возбуждение и создавали ощущение, что там происходит что-то новое и интересное⁸³.

Германия должна была стать своего рода витриной новой советской культурности. Пока в американской зоне оркестр Вагнеровского фестиваля в Байрёйте использовали для исполнения популярных мелодий и развлечения американских солдат, советские военные возлагали венки к могиле Гете, а советские оккупационные власти обсуждали исполнение Чайковского и Бетховена на открытии нового концертного зала и отправляли делегацию к престарелому драматургу Герхарду Гауптману, чтобы предложить ему стать лицом культурного обновления Германии⁸⁴. Политсоветник СВАГ рекомендовал маршалу Жукову после посещения Веймара в кратчайшие сроки отреставрировать домик Гете за счет советской администрации и передать его городским властям – внимание советских оккупационных властей к памяти великого немецкого писателя не должно было остаться незамеченным мировой общественностью⁸⁵. Начальник отдела культуры СВАГ Александр Дымшиц писал в воспоминаниях, что в послевоенный Берлин он прибыл со списком мастеров немецкой культуры, которых надеялся

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 40.

⁸¹ Janik E. «The Golden Hunger Years»: Music and Superpower Rivalry in Occupied Berlin // German History. Vol. 22. № 1. P. 84.

⁸² Thacker T. Music after Hitler, 1945–1955. London; New York, 2016. P. 15.

⁸³ Naimark N. The Russians in Germany. P. 399.

⁸⁴ Thacker T. Music after Hitler. P. 17.

⁸⁵ Тимофеева Н. От осторожного дистанцирования к нарастающему интересу. Пропаганда СВАГ в Восточной Германии 1945–1949 гг. // Россия и Германия в XX веке: В 3 т. Т. 3. С. 424.

разыскать, чтобы «сказать им добрые слова уважения и любви, помочь в работе»⁸⁶. Таким же искренним защитником культуры предстает Дымшиц и в воспоминаниях немецкого журналиста Ханса Боргельта, утверждавшего, что для всех нуждавшихся в культуре голодные послевоенные годы стали в действительности «золотыми»⁸⁷. Даже те, кто встречал советскую оккупацию враждебно, отмечали ее заикленность на культуре: «Со всей страстью добиваются обновления духовной жизни. „Культура! – говорят наши победители с Востока. – Мы уважаем культуру! Для нас нет ничего более важного и неотложного, чем щедрая поддержка культуры“», – записывала в дневнике в феврале 1946 года журналистка Рут Андреас-Фридрих⁸⁸.

«Советский генерал может на память цитировать Пушкина своим друзьям и подчиненным, какой-нибудь полковник, прошедший сквозь огонь и медные трубы, не сочтет малодушным пролить слезу во время трогательного момента в кинокартине или драме» – такими представляло советских военнослужащих Краткое руководство для офицеров вооруженных сил США, выпущенное в 1945 году⁸⁹. Нравящееся к культуре занимало важное место в предложенной в этом документе характеристике советских людей: отмечалось, что многие офицеры имеют большую начитанность в русской и иностранной литературе, знакомы с музыкальной и театральной классикой и всегда готовы с удовольствием подискутировать на эти темы. Руководство было составлено с целью помочь американцам найти общий язык с советскими союзниками и исполнено расположением к ним: советские люди представляли тут именно такими, какими их хотела видеть советская пропаганда. Советский военнослужащий в Европе должен был представлять не только Красную армию, но и все государство, его успехи и достижения, он выступал примером того нового человека, воспитанием которого так усердно занималась советская власть на протяжении 1930-х годов. Советская пропаганда тратила немалые ресурсы на то, чтобы в любом красноармейце житель Европы видел великого освободителя, спасителя европейской цивилизации и проводника в будущее. Как сочетались с этим постоянные эксцессы с участием советских военнослужащих? Ответ очевиден: плохо.

На протяжении лета 1945 года главноначальствующий СВАГ Георгий Жуков старательно пытался решить проблему неприемлемого поведения советских военнослужащих. В директиве от 30 июня командующему составу было предписано прекратить поощрять преступное поведение подчиненных и в течение трех-пяти дней восстановить порядок и прекратить грабежи, насилие и произвол по отношению к местному населению⁹⁰. Среди немецкого населения весть о директиве вызвала панику: говорили, что Жуков дал советским войскам три дня на разграбление Германии⁹¹. Не считая паники, эффект от распоряжения был незначительный: за следующий месяц заметного изменения ситуации не произошло, и 3 августа последовал новый приказ. В нем советским военнослужащим запретили расквартирование в частных домах, общение с немцами было строго ограничено, а к нарушающим дисциплину предписывалось применять строгие меры вплоть до привлечения к судебной ответственности. К проблеме разгула советских военнослужащих Жуков подходил как практик – с известной долей цинизма. Произвол и беспорядки подлежали искоренению не потому, что были неприемлемы сами по себе, а потому, что были невыгодны в послевоенных условиях, когда перед советской

⁸⁶ Дымшиц А. Звенья памяти. М., 1975. С. 275.

⁸⁷ Janik E. «The Golden Hunger Years». P. 76.

⁸⁸ Хартман А. Руководство культурой и культура руководства в советской зоне оккупации Германии // Россия и Германия в XX веке: В 3 т. Т. 3. С. 399.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. Л. 46.

⁹⁰ СВАГ и немецкие органы самоуправления. С. 98.

⁹¹ Козлов В., Козлова М. «Бесчинства» как управленческий концепт. К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945–1949 гг.) // Русский сборник: исследования по истории России. XIV. М., 2013. С. 441. См. также отголоски мифа о «трех днях» в сводке о настроениях немцев в Тюрингии: СВАГ и немецкие органы самоуправления. С. 115.

администрацией встала задача завоевать доверие и уважение со стороны немцев. «Вы сами понимаете, – заявлял Жуков на совещании командиров СВАГ в августе 1945 года, – что во время войны это не так бросалось в глаза. Люди прятались от разрывов артснарядов в подвалах, поэтому не так было заметно, когда квартиры обчищали наши войска. А вот сейчас, когда война закончилась, когда о войне народ начинает забывать, тогда недопустимо прийти к немцам и запустить руку в карман»⁹². Предписания положить конец незаконному поведению советских войск сопровождались разъяснительной работой: на партийных собраниях военнослужащим объясняли, что мирное население должно видеть в них «культурных победителей, подающих пример» и бесчинства будут расцениваться как действия по подрыву авторитета СССР⁹³. Судя по записи в дневнике, сделанной советским офицером Владимиром Гельфандом в августе 1945 года, эта тактика имела определенный эффект. Недовольный излишне строгими ограничениями, наложенными Жуковым на контакты советских военнослужащих с немцами, Гельфанд тем не менее находил его меры оправданными: «У нас есть много хулиганов, провокаторов различных инцидентов, ссор, драк; врагов и негодяев, сволочей. С ними нужно бороться жестоко и принимать по отношению к ним самые решительные меры. В наших рядах не должно быть места людям, позорящим Красную армию на глазах Европы, вызывающим укор и негодование пославшего нас как своих представителей в Германию передового, культурного русского народа»⁹⁴.

Парадоксальным образом забота об имидже Красной армии, подстегнувшая борьбу с бесчинствами, одновременно оказалась и главным препятствием для доведения ее до конца. 9 сентября Жуков выпустил новый приказ, еще более ужесточивший наказания для «проявляющих бесчинство», а 20 сентября этот приказ был отменен лично Сталиным. Сталин отмечал, что считает его неправильным и вредным, поскольку «из-за мародерских действий отдельных военнослужащих огульно и несправедливо наказывается весь командный состав». Но главным было другое соображение: «Я уж не говорю о том, что, если этот приказ попадет в руки руководителей иностранных армий, они не преминут объявить Красную армию армией мародеров»⁹⁵. Для Сталина масштабное развертывание мер по борьбе с бесчинствами было актом публичного признания проблемы, а в этом он видел не меньшую угрозу репутации Советского Союза, чем сами бесчинства. Сталин предпочитал тактику замалчивания проблемы и демонстративного низведения ее до уровня случайных эксцессов, извинительных в условиях войны. Когда вопрос о грабежах и изнасилованиях в разговоре со Сталиным затронули югославские коммунисты, он обвинил их в оскорблении Красной армии и неспособности понять, что после тысяч пройденных километров солдат имеет право «развлечься с женщиной или прихватить какую-то мелочь». Милован Джилас вспоминал, как Сталин, на одной из официальных встреч поцеловавший его жену в знак приветствия, пошутил затем, что совершил этот жест любви «с риском быть обвиненным в изнасиловании»⁹⁶.

Сталин не то чтобы поощрял агрессию в отношении мирного населения: весной 1945 года он лично требовал изменить отношение к военнопленным и гражданским немцам⁹⁷. Жестокое обращение, считал он, заставляет их более упорно сопротивляться и тем самым затягивает

⁹² Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в советской оккупационной зоне Германии. 1945–1949. С. 95.

⁹³ Козлов В., Козлова М. «Бесчинства» как управленческий концепт. С. 460.

⁹⁴ Гельфанд В. Дневник 1945–1946. М., 2016. С. 465.

⁹⁵ Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в советской оккупационной зоне Германии. 1945–1949. С. 457.

⁹⁶ Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 109–110. Когда позже ту же проблему пытались донести до советского руководства представители Социалистической единой партии Германии, Сталин был возмущен и заявил, что не позволит валять в грязи репутацию Красной армии (Naimark N. The Russians in Germany. P. 71).

⁹⁷ Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в советской оккупационной зоне Германии. 1945–1949. С. 67.

завершение войны – «такое положение нам невыгодно». Осенью 1945 года жестокое обращение продолжало оставаться невыгодным, но еще менее выгодным представлялось введение жестких мер по пресечению подобного поведения, которые и самими немцами, и остальным миром могли быть восприняты как неспособность советского руководства взять под контроль свои войска. В этом контексте появление публикаций, описывавших бесчинства советских войск, было воспринято как очевидно недружественный жест. Они нарушали негласный договор молчания и делали ровно то, чего так опасался Сталин: превращали Красную армию в армию мародеров. Было и еще одно обстоятельство, сыгравшее немаловажную роль в отношении к этим публикациям: они возвращали к жизни тот образ СССР, которым немецкая пропаганда пугала население во время войны.

НОВЫЕ ВАРВАРЫ

17 марта 1945 года Берия передал Сталину и Молотову спецсообщение, в котором утверждалось, что, согласно заявлениям немцев, в Восточной Пруссии все оставшиеся в советском тылу немецкие женщины были изнасилованы бойцами Красной армии. Основное внимание в сообщении, однако, уделялось не самим эксцессам, а тому факту, что для немцев они оказывались подтверждением фашистской пропаганды. Показательным в этом отношении было свидетельство некой Эммы Корн: «Перед отступлением командование немецкой армии предложило нам эвакуироваться в город Кенигсберг, заявляя, что „красные азиаты“ производят неслыханные зверства над немецким населением. <...> 3 февраля с. г. в наше местечко вошли передовые части Красной армии, солдаты ворвались к нам в подвал и, наставив оружие мне и другим двум женщинам, приказали выйти во двор. Во дворе 12 солдат меня поочередно насиловали, остальные солдаты поступили так же с моими соседками. Ночью того же числа к нам в подвал ворвались 6 пьяных солдат и также изнасиловали нас в присутствии детей. 5 февраля к нам в подвал зашли 3 солдата, а 6 февраля 8 пьяных солдат, которыми мы также были изнасилованы и избиты. Под воздействием немецкой пропаганды о том, что Красная армия издевается над немцами, и, увидев действительное издевательство над нами, мы решили покончить жизнь самоубийством, для чего 8 февраля себе и детям перерезали лучезапястные суставы и вены правых рук»⁹⁸. Также в сообщении приводились показания председателя земельного союза Ангомонинской волости, согласно которым значительная часть немецкого населения не верила фашистской пропаганде о жестоком отношении Красной армии к немецкому населению, но под воздействием «некоторых бесчинств, допускаемых солдатами Красной армии» люди стали кончать жизнь самоубийством.

Немецкая пропаганда рисовала большевиков варварами, несущими угрозу основам европейской жизни – ее народам и культуре. Сообщения из Германии свидетельствовали об эффективности этой пропаганды: страх перед приближающейся Красной армией вполне можно было назвать паническим. 5 июля 1945 года в справке о политической работе среди населения Германии, направленной начальнику УПА, сообщалось, что в ожидании прихода советских войск жители городов прятались в подвалах и не решались показываться на улицах. Преобладающим мотивом в настроениях большинства была уверенность в скорой гибели или ссылке в Сибирь, толкавшая людей на индивидуальные и групповые самоубийства⁹⁹. Навязанное антисоветской агитацией представление о дикости и жестокости советских людей осложняло установление контакта с местным населением. Советских солдат встречали с сильным предубеждением: как отмечалось в одном из политдонесений, в Ростке вся местная интеллигенция была уверена, что «русские ее уничтожат или сошлют в Сибирь», а также что русские «уничтожат попов и церкви»¹⁰⁰. Для опровержения этих стереотипов и завоевания доверия работники СВАГ демонстрировали повышенное внимание к вопросам материального обеспечения и культуры, и во многих случаях эта тактика оказывалась эффективной: обнаружив, что с приходом русских службы в церквях не прекратились, а кинотеатры и концертные залы заработали, местная интеллигенция охотнее шла на контакт. В тех же случаях, когда местное население действительно сталкивалось с проявлениями дикости и жестокости со стороны красноармейцев, эффект от этих столкновений оказывался усиленным: каждый такой эпизод воспринимался под воздействием пропаганды не как случайный, а как системный.

⁹⁸ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М., 2006. С. 503.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 107.

¹⁰⁰ СВАГ и немецкие органы самоуправления. С. 95.

Необходимость противостояния гитлеровской пропаганде оставалась предметом заботы советского руководства на протяжении долгого времени, и даже спустя год с лишним после окончания военных действий эта задача сохраняла актуальность. Как отмечалось в докладной записке, направленной Жданову летом 1946 года, в кругах интеллигенции «еще сильны застарелые антисоветские предрассудки, вызванные отчасти влиянием многолетней фашистской пропаганды, отчасти – отдельными фактами недостойного поведения некоторых наших военнослужащих», в связи с чем велика вероятность, что на предстоящих выборах значительная часть интеллигенции отдаст свои голоса буржуазным партиям¹⁰¹. К лету 1946 года, однако, главной проблемой уже было не остаточное влияние немецкой пропаганды, а тот факт, что ее «застарелые предрассудки» все чаще стали обретать новую жизнь в западной прессе.

В случае немецкой антисоветской пропаганды речь действительно шла о спланированной кампании, развернутой министром пропаганды Третьего рейха Йозефом Геббельсом в 1935 году. Точкой ее отсчета считается знаменитая речь «Коммунизм без маски», произнесенная на ежегодном съезде Национал-социалистической партии, в которой Геббельс разоблачал советский большевизм и как неэффективный экономически, и как противоречащий основам нравственности, и как представляющий угрозу для жизни и благосостояния собственных граждан. Начавшаяся вслед за этой речью кампания доносила эту мысль до немецкого населения в максимально доступных и разнообразных формах. В многочисленных публикациях Советский Союз изображался страной, уничтожившей индивидуальные права и свободы, поправшей религию и семейные ценности, обрекшей рабочих и крестьян на хаос и нищету. У антисоветской кампании было два основных направления. С одной стороны, ее задачей было продемонстрировать превосходство национал-социализма над коммунизмом и укрепить представление об СССР как о территории тотального упадка и государственного произвола. С другой – кампания Геббельса эксплуатировала устоявшиеся клише о Востоке как территории отсталости, грязи и бескультуры¹⁰². Последнее стало доминирующим на заключительном этапе войны, когда страх перед приближающейся Красной армией оказался более эффективным средством военной мобилизации, нежели заявления о превосходстве немецкого строя.

Содержательно послевоенные антисоветские публикации мало чем отличались от немецкой пропаганды. Они также были направлены на дискредитацию советского строя, но теперь утверждали превосходство не национал-социализма, а западной демократии. Разница, однако, не очень бросалась в глаза. В 1935 году Йозеф Геббельс с трибуны заявлял, что под маской страны рабочих и крестьян скрывается страна голода и террора и что большевизм представляет угрозу для всей цивилизации Западной Европы. В 1946-м Уинстон Черчилль в Фултонской речи тоже апеллировал к угрозе, которую советский режим представляет для европейской цивилизации, и противопоставлял западные демократии советскому бесправию, полицейскому произволу и государственному террору. Черчиллю вторила мировая пресса: корреспондент Reuters заявлял, что Россия является самой безжалостной диктатурой из всех, шведские газеты писали об узниках советских лагерей, американские – о низком уровне жизни в СССР и отсутствии свобод¹⁰³.

Продолжение получило и второе направление антисоветских публикаций, активно разрабатывавшееся немецкой пропагандой: представление советских людей как диких азиатов, не имеющих понятия о культуре¹⁰⁴. Эта линия, начавшись с сообщений о бесчинствах совет-

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 462. Л. 72.

¹⁰² Behrends J. Back from the USSR: The Anti-Comintern's Publications on Soviet Russia in Nazi Germany, 1935–1941 // Fascination and Enmity: Russia and Germany as Entangled Histories, 1914–1945. P. 92.

¹⁰³ См., например: ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5130. Л. 179.

¹⁰⁴ Представление о русских как об «азиатах» играло важную роль в другом фундаментальном документе начала холодной войны – так называемой длинной телеграмме американского дипломата Джорджа Кеннана, который использовал этот аргумент для обоснования необходимости дать силовой отпор СССР (см.: *Siny R. Reading Russia and the Soviet Union in the Twentieth*

ских военнослужащих, продолжилась в публикациях, описывавших нескрываемое восхищение советских людей плодами западной цивилизации. Так, в июле 1946 года в журнале *Life* была опубликована статья «Проблемы за железным занавесом», в которой рассказывалось о том, как советские солдаты рубили у трупов запястья, чтобы снять наручные часы, и боялись будильников, считая, что в них живет дьявол. В то время как советская пресса писала о том, что Советский Союз спас Европу от фашизма, как когда-то Россия спасла ее от татаро-монголов, американская пресса сравнивала советские войска, чье продвижение по Европе сопровождалось грабежами, разбоем и изнасилованиями, с войсками Чингисхана и буквально рисовала дику азиатскую страну, на века отстающую от Европы по культурному уровню¹⁰⁵.

С нацистской пропагандой послевоенные публикации сближало не только содержательное сходство, но и формальное. Когда-то, бросая вызов советской пропаганде, Геббельс обратил против нее ее же оружие: Советский Союз активно эксплуатировал личные отзывы западных интеллектуалов, посещавших СССР, и в антисоветской пропаганде личным свидетельствам тоже было отведено важное место. В 1935 году в Германии был выпущен сборник *Und du siehst die Sowjets Richtig* (в названии, которое можно перевести как «И ты увидишь подлинные Советы»), обыгрывалась аббревиатура СССР (*UdSSR*). Вошедшие в него 25 рассказов европейцев об их опыте жизни в СССР развенчивали образ процветающей страны и рисовали суровые условия советского быта, бесчеловечность колхозной системы и ужасы голода 1933 года. Сборник вышел в издательстве *Nibelungen*, ставшем оплотом антикоминтерновской пропаганды и в течение следующих лет выпустившем не один десяток рассказов об ужасной жизни в СССР, основанных на личном опыте¹⁰⁶.

В послевоенной обстановке личные свидетельства тоже заняли важное место в антисоветском дискурсе. Вернувшиеся из советского плена итальянские военнослужащие рассказывали в газетах о том, что на протяжении нескольких лет ели только сушеную крапиву, подвергались избиениям и видели случаи людоедства¹⁰⁷. Корреспондент скандинавского телеграфного бюро Эдвард Сандеберг рассказывал о своем пребывании в СССР в серии статей под названием «Год за железным занавесом», сопровождавшихся изображениями полуголодных изможденных людей, стоящих за колючей проволокой или ловящих насекомых на своем белье. Как отмечал один из референтов ТАСС, автор во враждебных тонах описывал лагерь для интернированных иностранцев, «изображая русских глупыми, невежественными и жестокими людьми»¹⁰⁸. В английской *Daily Telegraph & Morning Post* публиковали статьи бывшего московского корреспондента Хью Чевинса, который писал, что в СССР можно обнаружить классовые различия, каких не найти ни в одной капиталистической стране, и неравенство в распределении доходов, которое может поразить любого человека, стремящегося к равенству¹⁰⁹. В американской *New York Times* другой бывший московский корреспондент Брукс Аткинсон тоже делился своими впечатлениями о стране и тоже описывал ее как территорию ограничений и несвободы: «Каждый советский гражданин так же, как и каждый иностранец, должен всегда носить свой паспорт и удостоверение личности, которыми им приходится часто пользоваться. То, что мы рассматриваем как методы безопасности военного времени, в Советском Союзе является повседневными методами безопасности. Чтобы выйти на Красную площадь в праздники, необходимо

Century: How «West» Wrote Its History of the USSR // *The Cambridge History of Russia*. Vol. 3: The Twentieth Century. Cambridge, 2006. P. 20).

¹⁰⁵ *Fodor M.* Trouble Behind the Iron Curtain. Red Army Marshals Press for Expansion While Veterans Envy Capitalist Wealth // *Life*. 1946. July 15. P. 50. См. упоминания статьи в бюллетенях ТАСС: ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 38. Д. 158. Сводка от 13 июля; Оп. 27. Д. 5131. Л. 31–35. О дискредитации культурного уровня советских людей в западной прессе см. подробнее в главе 4.

¹⁰⁶ Подробнее см.: *Behrends J.* Back from the USSR. P. 83–108.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5130. Л. 320, 227, 194, 189.

¹⁰⁸ Там же. Л. 179.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 38. Д. 158. Сводка от 7 августа 1946.

показать специальный пропуск и обычный паспорт восьми часовым, которые тщательно осматривают их и сравнивают фотографию с личностью предъявителя»¹¹⁰.

Формальная и содержательная схожесть новой волны антисоветских публикаций с той, что десятью годами ранее была инициирована министерством Геббельса, укрепляла подозрения советского руководства по поводу спланированности новой кампании. Начиная с первых же обзоров антисоветских публикаций они рассматривались именно как клеветническая кампания, целью которой было подорвать престиж Советского Союза за рубежом. В СССР были уверены, что новая кампания также направляется правительствами западных стран, и даже назывались ведомства, стоящие за ее организацией, – Министерство информации Великобритании и Бюро военной информации США¹¹¹. Ключевая роль на первых порах отводилась Англии: логика марксистского анализа требовала от Британской империи после окончания войны вернуться к противостоянию с СССР, и от Великобритании ждали именно этого. Публикации британских СМИ, освещавшие бесчинства советских военнослужащих, подтверждали эти ожидания, а Фултонская речь Черчилля, ставшая катализатором антисоветского тренда в мировой печати, доказывала, что бывшие союзники становятся новыми врагами. Окончательно это стало ясно к лету 1946 года, когда поток антисоветских публикаций многократно возрос, а их главным источником стала уже не британская, а американская пресса.

Сравнение Черчилля с Гитлером, прозвучавшее спустя несколько дней после его выступления в Фултоне, было не эмоциональной реакцией, а программным заявлением советского руководства о том, что оно разгадало тактику оппонента. Сравнение это впоследствии получило развитие: 1 августа 1946 года в «Правде» был опубликован фельетон Давида Заславского «Лобызание Геббельса», в котором утверждалось, что использованный Черчиллем образ железного занавеса в действительности был придуман не им, а министром пропаганды Третьего рейха Йозефом Геббельсом – и позаимствован Черчиллем из одной из последних его статей, опубликованных в еженедельнике *Das Reich*. «Совпадение полное: Черчилль повторяет Геббельса. А у Геббельса слова о „железном занавесе“ – это центральный образ фашистско-немецкой концепции, сконцентрированный клеветнический образ фашистской пропаганды. Перед своим издыханием Геббельс словно напутствовал будущих антисоветских клеветников, дал им свой завет лжи, послал им последнее мерзостное лобызание»¹¹².

Для послевоенной советской культуры антисоветская кампания в западной прессе стала важной точкой отталкивания в конструировании собственной идентичности. Отсылками к антисоветским публикациям пронизаны многие книги и фильмы этого периода. Яркий пример – роман Ильи Эренбурга «Буря», писавшийся в 1946 году. Бесчинства, в которых обвиняли советских военнослужащих, в «Буре» с большим размахом творят немцы: они насилюют русских женщин и снимают с трупов часы (один немец даже вешает на балконе советскую женщину из-за того, что ему пришлось попотеть, доставая спрятанные ею часики). Они же оправдывают свои действия войной: «Может быть, товарищи были правы, когда насильовали русских девушек. Не цветы же им подносить... У войны свои законы: иногда хочется отвести душу, сжечь, снести, задушить». Немецкие газеты пугают немцев рассказами о том, как русские дикари кастрируют пленных и творят другие ужасы, американские журналисты, не стесняясь,

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5819. Л. 119. Подробнее о Бруксе Аткинсоне и реакции на него в СССР см. в главе 6.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 316. Л. 99.

¹¹² *Заславский Д.* Лобызание Геббельса // *Правда*. 1946. 1 августа. С. 4. Атрибуция железного занавеса Геббельсу принадлежала не Заславскому: впервые это было отмечено в статье американского коммуниста Эрла Браудера, о чем 31 июля сообщил вестник иностранной информации ТАСС (ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5819. Л. 324).

пишут «небылицы» о том, как банды коммунистов врываются в дома, глумятся над женщинами и уносят семейные драгоценности, но все русские в романе демонстрируют верх обходительности с мирным населением – и даже игнорируют попытки немецких женщин соблазнить их. Той же высокой культурой поведения наполнен фильм «Встреча на Эльбе» (1949), в котором работники СВАГ добывают для католических сестер пулеметное масло за неимением лампадного, а также деятельно участвуют в работе городского оркестра и восстановлении памятника Гейне, пока американские военнослужащие устраивают пьяные танцы и драки в местных барах.

Другой пример осмысления советской культурой антисоветской кампании – пьеса Константина Симонова «Русский вопрос». Написанная в конце 1946 года, она стала художественным отчетом о командировке в США, куда Симонов был отправлен вместе с Ильей Эренбургом и Михаилом Галактионовым весной 1946 года, чтобы разъяснить американцам, что слухи, которые их пресса распространяет о Советском Союзе, «нелепы и провокационны»¹¹³. В пьесе Симонова честный американский журналист получает заказ на книгу, обличающую Советский Союз, но вместо нее пишет правду об СССР, в результате чего лишается работы, семьи и дома, зато обретает поддержку других честных американцев. «Русский вопрос» стал симоновским триумфом: он получил Сталинскую премию, пьесу поставили в десятках театров (только в Москве – в пяти), уже в 1947 году Михаил Ромм снял по ней фильм (тоже получивший Сталинскую премию). Скандальную постановку пьесы в Берлине в мае 1947 года, во время которой присутствовавшие на премьере американцы покинули зал, считают началом культурной холодной войны¹¹⁴. Никакие регалии, однако, не отражают подлинного статуса этого текста в послевоенной культуре: без его обсуждения не обходилась ни одна встреча с иностранцами¹¹⁵. Примечательное свидетельство об этом сохранилось в «Русском дневнике» Джона Стейнбека, описавшего, как во время их с Робертом Капой поездки по СССР в 1947 году все задавали им один и тот же литературный вопрос: «Мы даже научились определять, когда именно следовало его ожидать. Если в глазах нашего собеседника появлялся характерный прищур, если он немного подавался вперед из кресла и смотрел на нас пристальным, изучающим взглядом, то становилось ясно: сейчас он спросит о том, понравилась ли нам пьеса Симонова „Русский вопрос“»¹¹⁶. Об этом спрашивали так часто, что Стейнбек и Капа даже набросали краткое содержание альтернативной пьесы «Американский вопрос», в которой «Правда» отправляет Симонова в США написать о том, что Америка – это загнивающая демократия, а честный Симонов пишет текст о том, что Америка не загнивает, в результате его исключают из Союза писателей, лишают загородного дома, бросает коммунистка-жена, после чего он умирает от голода¹¹⁷. Еще более точное представление о статусе пьесы Симонова дают отчеты советских чиновников о пребывании Стейнбека в СССР. В одном из них фигурировало предположение, что Стейнбек сам приехал в СССР, чтобы написать ответ на «Русский вопрос»¹¹⁸, а в другом отчете Стейнбек буквально оказывался проекцией симоновского героя. Заведующий американским отделом ВОКС Иван Хмарский так описывал один из разговоров со Стейнбеком: «Смолич спросил Стейнбека, не подвергнется ли он нападкам в США, если напишет правдивую книгу об СССР. Стейнбек ответил: „Безусловно. <...> Перед тем, как ехать сюда, моя жена сказала мне: „Если ты напишешь правдивую книгу о России, тебя бросят в тюрьму“. Я ей

¹¹³ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. М., 1988. С. 95.

¹¹⁴ Подробнее о постановке «Русского вопроса» в Берлине и реакции на нее см.: *Caute D. The Dancer Defects. The Struggle for Cultural Supremacy during the Cold War.* P. 88–116.

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 408. Л. 3; Д. 259. Л. 271.

¹¹⁶ Стейнбек Д. Русский дневник. М., 2017. С. 171.

¹¹⁷ Там же. С. 174.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 259. Л. 39.

ответил: „Если я живу в государстве, в котором за правду сажают в тюрьму, я готов сидеть“. Тогда она ответила мне: „Поезжай“»¹¹⁹.

Из приведенных свидетельств видно, что «Русский вопрос» был больше, чем просто пьесой, – это был текст, описывавший новое устройство послевоенного мира, в котором советский народ оказывался отделен от народов остального мира стеной лжи, которую распространяли об СССР западные политики, капиталисты и редакторы. Примечательно, что с той же мыслью вернулся из Америки и Илья Эренбург. В опубликованном в газете «Известия» цикле статей «В Америке» он в красках описал антисоветскую кампанию, настраивающую простодушных американцев против СССР, и предложил свою трактовку выражения «железный занавес»: «Американцы часто говорят о том „железном занавесе“, которым якобы Советский Союз отгородился от мира. Я должен признать, что железный занавес действительно существует и он мешает среднему американцу увидеть, что происходит в нашей стране. Этот занавес изготавливается в Америке – в редакциях газет, на радиостанциях, в кабинетах кинопродюсеров и кинопрокатчиков»¹²⁰. Спустя месяц с небольшим именно в этом значении железный занавес появится в печатной версии доклада Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», где будет провозглашено, что, как бы ни старались «буржуазные политики и литераторы» скрыть от своих народов правду о достижениях советского строя и как бы ни пытались «воздвигнуть железный занавес, за пределы которого не могла бы проникнуть за границу правда о Советском Союзе», все их попытки обречены на провал¹²¹.

В феврале 1946 года Сталин открыл послевоенный этап в истории страны речью о том, как неправы были западные критики Советского Союза, но не прошло и месяца, как задача доказывать их неправоту заново встала перед советским руководством. На сей раз этот процесс сопровождался отчетливым ресентиментом: главным источником антисоветских публикаций оказались бывшие союзники, те, чье расположение, казалось, было завоевано в войне и закреплено победой, те, кто с таким восторгом отзывался об СССР на протяжении всех военных лет. Превращение бывших союзников в новых врагов принято рассматривать в контексте большой политики – как следствие столкновения геополитических интересов и конфликта идеологий, – но именно антисоветская кампания и реакция на нее советской стороны предъясняют это превращение максимально наглядно, позволяя увидеть механику холодной войны в действии. Одновременно эта кампания позволяет лучше понять причины стремительного перехода советского руководства к антизападной риторике, начавшегося в том же 1946 году. Существование скоординированной антисоветской кампании, попытки западных правительств оклеветать советский строй в глазах народов мира стали своеобразной идеей фикс официальной послевоенной культуры, и все ее мощности в течение послевоенных лет оказались направлены на решение двух задач: убедить внешний мир, что Советский Союз вовсе не то, что о нем пишут на Западе, и рассказать внешнему миру, чем на самом деле является Советский Союз.

¹¹⁹ Там же. Л. 33–34.

¹²⁰ Эренбург И. В Америке // Известия. 1946. 9 августа. С. 4.

¹²¹ Доклад г. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Правда. 1946. 21 сентября. С. 3.

Глава 2

ДЕЛО СОВИНФОРМБЮРО СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА В ПОИСКАХ НОВЫХ МЕДИА

23 июня 1945 года советский экономист, член Академии наук СССР Евгений Варга направил Сталину записку о недостатках советской пропаганды за границей. Поводом для этого стали торжества по случаю юбилея Академии наук: беседы с иностранными учеными, приехавшими в Москву, произвели на Варгу тягостное впечатление – большинство из них имели весьма туманное представление о жизни в СССР. И это при том, отмечал Варга, что он разговаривал с образованными людьми, которые готовились к поездке в Москву и, очевидно, постарались заранее узнать о советской жизни как можно больше. Результат тем не менее оказался удручающим: гости не знали самых элементарных вещей о Советском Союзе, а в особенности плачевным выглядело отсутствие у них представления о фактах, которые способны «искоренить широко распространенные предрассудки о нашей стране среди крестьян, интеллигенции, служащих». Это незнание, делал вывод Варга, «показывает, что широкие круги населения в странах, долго находившихся под фашистским господством, до сегодняшнего дня еще совершенно недостаточно охвачены нашей пропагандой»¹²².

Похожие мысли в конце 1945 года высказывал московский корреспондент английской коммунистической газеты *Daily Worker* Джон Гиббонс в заметках «О советской пропаганде в Великобритании». Посетивший после долгого перерыва Англию Гиббонс с удивлением обнаружил, что, несмотря на большую работу, проделанную советским посольством, подразделениями Англо-советского общества дружбы и британской коммунистической печатью, широкая общественность по-прежнему имела крайне скудные представления о жизни в Советском Союзе: «Когда я на собраниях говорил аудитории, что можно проехать от Московской области на запад до Минска и польской границы и не увидеть ни одного целого города или деревни, она отнеслась к этому с недоверием»¹²³. Еще большее впечатление произвели рассказы Гиббонса о ходе восстановительных работ и отсутствии безработицы – в сравнении с положением в Великобритании они казались фантастическими.

Одну из причин плохой осведомленности англичан о советской жизни Гиббонс видел в низком уровне материалов, предназначенных для заграничной аудитории. Он отмечал, что публикации *Soviet News* – информационного бюллетеня, издававшегося при советском посольстве в Великобритании и бывшего главным источником сведений об СССР за его пределами, – даже его сотрудники считали «скучными» и «неудовлетворительными»¹²⁴. Подготовкой материалов для советских изданий за границей занималось Советское информбюро, именно его работу и ругал Гиббонс. В критике Совинформбюро он был не одинок. Весной 1946 года сотрудница ВОКС в США Хелен Блэк жаловалась, что большинство статей, которые она получает от Совинформбюро для публикации в американских журналах, для этого совершенно не подходят: «Многие недостаточно хорошо написаны, многие слишком многословны, раздуты. Совинформбюро посылает много ненужных статей»¹²⁵. Специальный корреспондент газеты «Правда» Юрий Жуков, предлагая Жданову программу усиления советской пропаганды за

¹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 316. Л. 10.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 392. Л. 2.

¹²⁴ Там же. Л. 3.

¹²⁵ Там же. Оп. 128. Д. 54. Л. 20.

границей, тоже говорил о недовольстве работой Совинформбюро: «Я знаю, что в Москве марка Совинформбюро одиозна – о нем говорят как о кормушке для халтурщиков. Дело поставлено крайне несолидно, разбазариваются большие деньги, а качество статей очень низкое. Многие статьи просто стыдно предлагать солидным литературным, социально-экономическим, философским журналам»¹²⁶. Жуков не преувеличивал: к лету 1946 года Совинформбюро, некогда главный орган советской пропаганды за рубежом, стало объектом всеобщего недовольства.

Совинформбюро было образовано 24 июня 1941 года, на третий день после начала войны. Оно создавалось с целью консолидировать информационно-пропагандистскую работу в стране и первоначально задумывалось как координирующий орган коллективного руководства, составленный из высокопоставленных представителей советских информационно-пропагандистских организаций¹²⁷. Со временем из надзорного органа Совинформбюро превратилось в самостоятельное ведомство со своим штатом и широким списком задач. В сферу деятельности Совинформбюро во время войны входило распространение внутри и за пределами страны информации о положении на фронтах, снабжение иностранных СМИ и зарубежных организаций материалами о жизни и военных усилиях СССР, разоблачение фашистской пропаганды и многое другое. В каких-то областях Совинформбюро дублировало функции других ведомств, но это оправдывалось исключительностью военного положения, требовавшего максимальной мобилизации всех пропагандистских усилий. Совинформбюро было создано для военного времени, и с окончанием военных действий его принцип работы и само существование стали вызывать у работников информационно-пропагандистского сектора и зарубежных контрагентов вопросы. Пошатнувшееся положение Совинформбюро было усугублено внезапной смертью 10 мая 1945 года его бессменного руководителя Александра Щербакова, чей авторитет в партийных кругах и близость к Сталину служили ведомству защитой. Назначенный временным исполняющим обязанности руководителя его заместитель Соломон Лозовский, хотя и был старым большевиком, таким авторитетом не обладал.

Попытки переопределить место и функции Совинформбюро в послевоенной обстановке стали предприниматься уже в мае 1945 года и сразу обнаружили наличие двух противоположных подходов. Лозовский предлагал закрепить особый статус Совинформбюро, приравняв его к наркомату всесоюзного значения и возложив на него координацию всей работы советских организаций по популяризации СССР за границей¹²⁸. Иной точки зрения придерживались в УПА, которое само претендовало на эту роль: его начальник Георгий Александров отмечал низкую квалификацию сотрудников Совинформбюро и в подготовленном осенью 1945 года проекте постановления предлагал почти в 20 раз сократить его аппарат на том основании, что война закончилась, а о культуре, науке и других сторонах жизни советского общества рассказывают ТАСС, ВОКС, Союз писателей и множество других организаций, что рождает ненужный параллелизм в их работе¹²⁹. Но ни предложение Лозовского, ни предложение Александрова приняты не были, и судьба Совинформбюро продолжала оставаться нерешенной. В конце 1945 – начале 1946 года Лозовский писал партийному начальству, что эта ситуация мешает развертыванию советской пропаганды за рубежом, и просил поскорее принять решение, поскольку англичане и американцы развернули антисоветскую работу во всех странах мира, а Советский Союз не может в полной мере им противостоять¹³⁰. Подстегиваемое стремительным ростом антисоветских публикаций, партийное начальство взялось за решение проблемы летом 1946 года: по поручению Сталина УПА провело 10-дневные слушания с разбором работы Сов-

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 57.

¹²⁷ Подробнее о структуре и функциях Совинформбюро см.: *Баландина О., Давыдов А.* Власть, информация, общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб., 2020.

¹²⁸ Там же. С. 299.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 316. Л. 110.

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 35; Д. 315. Л. 1.

информбюро, подвергнув деятельность организации всесторонней проверке. Слушания показали, что Совинформбюро с работой справляется плохо и новым задачам не соответствует.

КРИТИКА СОВИНФОРМБЮРО

Тот факт, что Совинформбюро не справляется с внешней пропагандой в послевоенных условиях, и до слушаний мало у кого вызывал сомнения, однако в оценке причин этого были расхождения. Лозовский и его подчиненные настаивали, что основная проблема заключалась в недостатке производственных мощностей: в то время как английские и американские информационные службы располагали огромными аппаратами в разных странах, у Совинформбюро не было отдельного представительства даже в дружественной Чехословакии. Различия были впечатляющими и в объеме выпускаемой продукции. Например, Служба международной информации США издавала ежедневный информационный бюллетень, еженедельный бюллетень, а также ежемесячный журнал – все эти издания выпускались на разных языках и рассылались в разные страны. Совинформбюро же могло позволить себе издавать ежедневный и еженедельный бюллетени только во Франции и Англии – в остальных странах выходил лишь еженедельный¹³¹. Та же ситуация – с техническим обеспечением. На заседании комиссии Лозовский жаловался: «Они рассылают фото, и не только фото, но и клише. Наши соседи болгары и югославы говорят нам: посылайте нам клише, а мы не можем организовать это. Это дело требует добавочных усилий и соответствующей техники»¹³². Для того чтобы на равных конкурировать с США и Великобританией, настаивал Лозовский, советской пропаганде необходимо располагать такими же материальными, техническими и кадровыми возможностями, а значит, работу Совинформбюро нужно в первую очередь расширять, иначе СССР проиграет информационную войну. Позиция УПА была противоположна: Совинформбюро не в состоянии адекватно распорядиться даже теми мощностями, которыми располагает, выделяемые ему средства расходуются впустую, неквалифицированные сотрудники работают по завышенным гонорарам, а дело пропаганды страдает. Подготовленные для слушаний справки и обзоры доказывали, что у этих обвинений были основания.

Главное недовольство вызывали материалы, которые Совинформбюро отправляет за границу: их ругали за низкое качество. В каких-то случаях речь шла буквально о плохом владении русским языком: к примеру, в одной статье сообщалось, что «Советское государство углубило и еще больше осмыслило интерес к лошади», в другой – что в этюдах художника Владимира Кузнецова «столько импрессионизма, сколько нужно, чтобы с полным реализмом передать дремлющую массу воды», в третьей – что «животноводство советской Белоруссии, вызволенное из фашистской неволи, вновь расцветает»¹³³. Иногда из неуклюжего обращения с языком рождались антисоветские смыслы. Так, в одной из статей говорилось, что «три года немецкой оккупации Литвы со всеми их ужасами оказались ничтожными по сравнению с двумя советскими годами»¹³⁴. Подобные статьи, отмечалось в одном из обзоров, дают искаженное представление о советской действительности и приносят лишь вред стране, давая пищу для антисоветской пропаганды. Отдельную проблему представляло то, что «дискредитация советской действительности» нередко возникала в совершенно невинных на первый взгляд текстах. Например, сообщение об урожае зерновых в 9–10 центнеров с гектара преподносилось как небывалый успех советских колхозов, в то время как в США и Канаде, куда направлялась эта статья, средний урожай был в два-три раза выше. В другой статье подготовка 7 тыс. шоферов для колхозов подавалась как огромное достижение советской системы образования, однако эта цифра была ничтожна в сравнении с количеством шоферов, задействованных в сельском

¹³¹ Там же. Д. 385. Л. 62; Д. 386. Л. 14.

¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 385. Л. 31.

¹³³ Там же. Д. 387. Л. 37.

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 387. Л. 36.

хозяйстве в США, а именно для этой страны предназначалась статья¹³⁵. В еще одной статье, подготовленной для США и Великобритании, с восторгом отмечалось, что советские геологи, находящиеся в экспедициях, будут получать газеты и книги¹³⁶.

Подобных примеров было немало. Статьи, которые призваны были создавать благоприятный образ советской действительности, оказывались ее разоблачением – рисовали образ отсталой страны, гордящейся своими невысокими – в сравнении со всем остальным миром – достижениями. Главной проблемой, как следовало из отчетов, было то, что материалы Совинформбюро, предназначенные для заграницы, в действительности не учитывали особенностей зарубежной аудитории. «Совинформбюро не учитывает специфические условия, существующие в американских странах. Сотни статей, которые нам довелось просмотреть, написаны таким же путем, каким они пишутся для советской печати. А между тем в западном полушарии действуют иные законы журналистики, и читающая публика имеет свои привычки и вкусы по отношению к информации», – писал в докладной записке в ЦК завсектором Отдела внешней политики Б. Вронский¹³⁷. Та же мысль – в замечаниях о работе Совинформбюро в Центральной Европе: статьи пишутся без учета особенностей отдельных стран, настроений и запросов их населения, что снижает доходчивость и эффективность советской пропаганды. Совинформбюро действительно направляло за границу большое количество информационного мусора: сообщения о пленуме геологов, биографические справки о трактористах, заметки о подъеме советского животноводства, о продаже овощей в Караганде и ловле сардин в Тихом океане – даже для среднего советского читателя такие материалы не представляли интереса. «В Австрию была послана большая статья о новом романе Федина. В Австрии же люди вообще не знают, кто такой Федин, что он написал»¹³⁸, – жаловались авторы отчета о работе центрально-европейского отдела Совинформбюро.

В тех случаях, когда тема теоретически могла заинтересовать западного читателя, подводила форма подачи. «Советские авторы очень часто пишут о результатах того, что добыто, а результаты нам самим известны. Мы хотим знать, каким путем достигнуты эти результаты, каким методом советские люди добились того или иного успеха. Больше деталей, больше подробностей, больше конкретного материала, который помог бы американскому читателю составить себе ясную картину того, что делается в Советском Союзе, – вот что нам нужно», – заявляла в беседе с представителем Совинформбюро Джессика Смит, редактор журнала *Soviet Russia Today*, издававшегося американским Обществом друзей Советского Союза¹³⁹. «Статьи должны носить такой характер, чтобы приведенными яркими цитатами, примерами, статистическими материалами они убеждали бы слушателей или читателей в правдивости и объективности выводов, чтобы выводы и основная идея статьи не навязывались бы, а явились бы логическим следствием, вытекающим из анализа приведенных фактов, чтобы немецкий читатель и слушатель не говорил бы о материале, что это пропаганда», – отмечал в записке о работе Совинформбюро сотрудник отдела по работе среди немецкого населения¹⁴⁰. «Форма, в которой подается материал, также неудовлетворительна. Статьи написаны в большинстве своем сухо, скучно и малоубедительно. Они не могут заинтересовать и увлечь читателя. Это особенно безотраднее, если учесть, что уровень журналистики в Германии, Австрии и Венгрии весьма высок и читатель там предъявляет высокие требования к качеству статей. Плохо написанные или

¹³⁵ Там же. Л. 32.

¹³⁶ Там же. Д. 383. Л. 5.

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 384. Л. 61.

¹³⁸ Там же. Л. 77.

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 316. Л. 72.

¹⁴⁰ Там же. Оп. 128. Д. 54. Л. 77.

неинтересные статьи им просто не читаются», – заявлялось в отчете о работе Совинформбюро в Центральной Европе¹⁴¹.

Из многочисленных отчетов и справок, подготовленных к слушаниям, следовал один вывод: Совинформбюро было не в состоянии конкурировать с западными информационными агентствами ни технически, ни организационно, ни качественно. Материалы, направляемые за границу, были скучны и невыразительны, не учитывали интересов западного читателя и особенностей западной периодики, опаздывали и были лишены актуальности. Неутешительные выводы подтверждались цифрами: обзор работы Совинформбюро с мая по август 1945 года демонстрировал, что направляемые в зарубежные страны статьи в иностранной прессе не публикуются. За четыре месяца в крупнейших газетах Англии, США и Франции не был напечатан ни один материал Совинформбюро – даже в балканских странах, где отмечался высокий спрос на сведения о жизни в СССР, газеты не публиковали большую часть присылаемых статей: 200 из 400 присланных Совинформбюро материалов было забраковано, а из оставшихся напечатано 30¹⁴². Представитель Совинформбюро в Польше отмечал, что польские газеты более охотно печатают материалы об СССР, написанные не советскими авторами, а поляками. И не потому, что советские авторы были склонны к излишне восторженному описанию советских достижений, а потому, что достойным внимания они считали не те достижения, которые представляли интерес для зарубежной аудитории: «Немалую роль тут играет то обстоятельство, что их авторы подмечают факты, которые нам примелькались, а для заграничного читателя представляют интерес. Очень полезно было бы, если бы референт польского отдела именно под этим углом изучал польскую прессу»¹⁴³.

Проверка работы Совинформбюро со всей очевидностью устанавливала, что его материалы не соответствуют западным информационным стандартам и читательским запросам, а сама организация не в состоянии конкурировать с западными СМИ. Однако ничего нового в этих выводах не было: в той или иной форме все эти претензии звучали в адрес Совинформбюро и во время войны, причем зачастую исходили непосредственно от его руководства, неустанно ведшего борьбу за качество. Уже в апреле 1942 года на одном из партсобраний Лозовский рассуждал о том, что произведения некоторых советских авторов совершенно не подходят для Запада, потому что там нужна «не лирика, а факт, объяснение его», и призывал изучать рынок, на котором работает Совинформбюро. Спустя несколько месяцев глава Совинформбюро Щербаков предлагал подчиненным прислушиваться к советам из-за границы в отношении формы подачи материалов: «Нужно собрать наших авторов и рассказать им, как надо писать»¹⁴⁴. Из-за границы действительно жаловались: радиостанция ВВС, например, регулярно просила придать материалам Совинформбюро больше живости. В июле 1943 года Щербаков констатировал, что качество статей остается неудовлетворительным, а в ноябре Лозовский ругал сотрудников за большое количество фактических ошибок и небрежностей и требовал покончить с разгильдяйством. В январе 1944 года руководитель британского представительства Совинформбюро просил московское начальство перестать присылать шаблонный материал, и Лозовский снова критиковал подчиненных за «неумение считаться с той аудиторией, для которой мы выступаем»¹⁴⁵. Проблема так и не была решена: и в 1945, и в 1946 годах материалы, отправляемые за границу, все так же ругали за недостаток фактов, бесцветность изложения и несоответствие запросам западной аудитории.

¹⁴¹ Там же. Оп. 125. Д. 384. Л. 78.

¹⁴² Там же. Д. 383. Л. 3–4.

¹⁴³ Там же. Оп. 128. Д. 54. Л. 14.

¹⁴⁴ Подробнее о борьбе за качество материалов Совинформбюро во время войны см.: *Баландина О., Давыдов А.* Власть, информация, общество. С. 174–202.

¹⁴⁵ Там же. С. 198.

Немаловажную роль в том, почему руководство Совинформбюро так долго и безуспешно пыталось научить своих авторов отвечать ожиданиям иностранной аудитории, сыграло изначально присутствовавшее в идеологии организации противоречие в установках. С одной стороны, материалы должны были удовлетворять вкусам западного читателя, с другой – и это постоянно подчеркивалось – Совинформбюро не должно было опускаться до «повадок» буржуазной прессы. На одном из совещаний 1942 года Лозовский специально провозглашал, что коммунисты не будут приравниваться к буржуазной газете и буржуазному читателю¹⁴⁶. В отчете о работе Совинформбюро в 1944 году он же отмечал, что многие иностранные СМИ объясняют отказ от печатания материалов Совинформбюро «технически неподходящей формой подачи материалов», но основным принципом работы Совинформбюро всегда было «не соглашаться ни на какие компромиссы, когда дело идет о содержании статей и материалов»¹⁴⁷. Это же противоречие, однако, позволяет лучше понять принцип работы Совинформбюро: в то время как иностранные контрагенты воспринимали его как орган информации, для своего руководства Совинформбюро было в первую очередь органом пропаганды. Задача Лозовского состояла в том, чтобы выдать советские пропагандистские материалы за информационные: «Надо сказать то, что нам нужно, но сказать таким образом, чтобы оно было напечатано», «Нужно так пропагандировать, чтобы внешне не сказали, что это пропаганда»¹⁴⁸. Борьба за качество была призвана улучшить маскировку: не случайно она усилилась к концу войны, когда стало нарастать беспокойство, что материалы Совинформбюро отказываются печатать за границей, поскольку видят в них пропагандистскую продукцию. На заседании Совинформбюро в январе 1944 года обсуждалась даже возможность создания дополнительных агентств-посредников, чтобы передавать материалы за границу не от имени Совинформбюро¹⁴⁹. В этом контексте падение спроса на материалы Совинформбюро к концу военных действий, когда количество возможных источников о положении на советских фронтах и в СССР возросло, не выглядит удивительным. Интересно другое: очевидно, что материалы Совинформбюро тем не менее представлялись его руководству обладающими несомненной ценностью – настолько, что оно даже было готово распространять их не под маркой Совинформбюро. Это обстоятельство заслуживает особого внимания. Что же именно Совинформбюро удавалось транслировать во время войны, что стало невозможным после ее окончания?

¹⁴⁶ Там же. С. 175.

¹⁴⁷ Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945): Сб. документов. М., 2015. С. 253.

¹⁴⁸ Баландина О., Давыдов А. Власть, информация, общество. С. 188.

¹⁴⁹ Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945). С. 204. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 316. Л. 47.

ИНФОРМАЦИЯ И ПРОПАГАНДА

28 июня 1946 года, выступая на совещании Комиссии ЦК ВКП(б) по вопросу о работе Совинформбюро, Лозовский объяснял, как была устроена деятельность этой организации во время войны. С момента создания бюро на него было возложено две основные задачи. Первая – составление и публикация военных сводок. Ее осуществлением занимались преимущественно Генштаб и специальная группа в УПА. Вторая задача – популяризация за границей Советского Союза и его военных усилий. Создавать аппарат и выстраивать заграничные связи для выполнения этой работы руководству Совинформбюро пришлось с нуля¹⁵⁰. Эффективность первой составляющей не вызвала вопросов: Совинформбюро было единственным источником информации о положении на Восточном фронте и ходе военных операций, а потому распространяемые им сведения вызвали интерес во всем мире. Вторая составляющая была пространством постоянных поисков, и успешность здесь сильно зависела от конкретных людей. В США, где советское посольство старалось дистанцироваться от деятельности Совинформбюро, продвижение статей о достижениях советского строя носило почти кустарный характер, так что в национальных СМИ печатался небольшой процент советских статей¹⁵¹. В Великобритании, где распространением материалов Совинформбюро занимался коминтерновец и журналист Семен Ростовский, активно привлекавший к этому советское посольство и самостоятельно редактировавший присылаемые материалы, эффективность была гораздо выше. Помимо информационного бюллетеня *Soviet War News*, Ростовский наладил выпуск еженедельника *Soviet War News Weekly*, тираж которого к осени 1944 года достиг 80 тыс. экземпляров, а доход от продажи не только окупал издание, но и приносил порядка 5 тыс. фунтов прибыли в год. Ростовский отмечал, что ежемесячно в редакцию приходило около 700 писем читателей, сообщавших о том, с каким интересом они ждут каждый новый выпуск и как это издание способствует сплочению британского и советского народов¹⁵².

Во время войны обе составляющие работы Совинформбюро – распространение военных сводок и статей о жизни в СССР – существовали в сложном симбиозе: сообщения об успехах Красной армии повышали интерес к Советскому Союзу и способствовали распространению информации о нем, что создавало видимость эффективной работы ведомства и уменьшало необходимость борьбы за качество. Ситуация, в которой Совинформбюро оказалось после войны, была результатом разрушения этого симбиоза. Как объяснял Лозовский, «Красная армия расчищала почву для проникновения правдивых сведений в широчайшие массы»¹⁵³. Теперь же интерес к военной тематике упал, а антисоветские настроения, наоборот, усилились, что и стало причиной падения спроса на статьи, рассылаемые Совинформбюро за рубеж. Для руководства Совинформбюро это не стало неожиданностью: такое положение предвидели еще во время войны. На совещании в январе 1944 года ответственный руководитель ТАСС Яков Хавинсон предостерегал коллег: «Чем ближе будем приближаться к концу войны, тем труднее будет работать. Будет свернута вся система органов военной пропаганды, которая в некоторой мере интересует по причинам совершенно понятным. Пока англичане и американцы не высадятся на Европейском континенте, они будут интересоваться нашими фактами, но когда они смогут сообщить своему населению свои факты, тогда у них интерес в наших фактах спадет»¹⁵⁴. Формулировки Хавинсона заслуживают отдельного внимания. С одной стороны,

¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 386. Л. 4.

¹⁵¹ Баландина О., Давыдов А. Власть, информация, общество. С. 227.

¹⁵² Там же. С. 222.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 386. Л. 5.

¹⁵⁴ Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945). С. 206.

он рассуждает как работник СМИ: монопольное обладание информацией представляется ему конкурентным преимуществом, потеря которого грозит серьезными осложнениями в работе. С другой – Хавинсон делит факты на «наши» и «не наши», что обнаруживает в нем работника пропаганды: факты оказываются у него не нейтральными единицами информации, а политически ангажированными сущностями. Это позволяет лучше понять, почему, столкнувшись с отказом западных СМИ печатать материалы Совинформбюро, его руководство стало искать пути выдавать те же материалы не от лица Совинформбюро, но не рассматривало вариант отказаться от посылки готовых публикаций и начать направлять за границу сухие необработанные факты, чтобы местные журналисты могли использовать их по своему усмотрению. Факты не интересовали Совинформбюро сами по себе – они были неотделимы от их интерпретации, и именно ее необходимо было транслировать на Запад. Информационные материалы были формой, в которую упаковывалось нужное содержание: так были устроены не только многочисленные заметки о жизни в СССР, но и главное достояние Совинформбюро – сводки с фронтов.

Олеся Баландина и Александр Давыдов в монографии, посвященной деятельности Совинформбюро во время войны, проанализировали содержание военных сводок и продемонстрировали, как информация превращалась в них в пропаганду. О фактах в сводках сообщалось избирательно, цифры вписывались лично Сталиным по его усмотрению¹⁵⁵. В целом содержание сводок отвечало директиве Главного политуправления РККА, в которой утверждалась задача постоянно информировать людей об огромных потерях врага и о силе Красной армии: что бы ни происходило в реальности, сводки рисовали картину советской мощи и обреченности немцев. По большей части они сообщали об успешных ударах, нанесенных советскими войсками, и героизме советских людей, а также о зверствах немцев и низком моральном духе в стане врага. О действительном положении советских войск из сводок можно было узнать только по косвенным признакам. Об отступлении Красной армии в 1941 году свидетельствовало постоянное перемещение «направлений» боев на восток. О возникновении непосредственной угрозы для Киева и Одессы можно было сделать вывод из информации об «огромных потерях», понесенных немцами на подступах к этим городам. О взятии Орла можно было догадаться по сообщениям о зверствах оккупантов в этом городе, о взятии Ростова-на-Дону советские люди и вовсе узнали из сообщения о его освобождении Красной армией. Из сводки в сводку фашисты несли «колоссальные потери», а советские бойцы бросались в атаки и «уничтожали живую силу противника», но линия фронта продолжала сдвигаться на восток. У советских читателей сводок это расхождение вызывало растерянность: «Трудно понять, что творится! Элементарно рассуждая, если мы, по сообщениям Совинформбюро, вот уже много дней избиваем фашистов, устилая их трупами поля сражений, забираем горы танков и другого вооружения, почему мы не только не отбросили врага, не прогнали его, а отступаем и отступаем?! Это же непостижимо!» – отмечал журналист К. Сельцер¹⁵⁶.

Сводки не информировали о действительности, а создавали альтернативную реальность – конструировали войну, какой она должна была быть. Так или иначе выступая в качестве информационных сообщений, они представляли собой порождение соцреалистического дискурса, к началу войны ставшего главным языком описания советской жизни. Соцреализм замещал существующую реальность той, к которой надо стремиться, и сводки Совинформбюро применяли этот метод для конструирования нужного образа войны. Баландина и Давыдов проследили и то, как менялся язык сводок в зависимости от положения Красной армии. В относительно успешные периоды, когда реальность давала материал для демонстрации героизма и силы Советского Союза, в них появлялось больше фактов: если об утрате большинства городов в сводках не сообщалось вовсе, то освобожденные населенные пункты перечислялись все

¹⁵⁵ Баландина О., Давыдов А. Власть, информация, общество. С. 272–275.

¹⁵⁶ Там же. С. 261.

– вплоть до деревень¹⁵⁷. В периоды отступлений Совинформбюро отказывалось от резюме о боевой обстановке, обращалось к эпическому стилю и сосредоточивалось на описании подвигов, зачастую – выдуманных. Нередко сквозь эти описания проглядывали их художественные источники: так, сообщение от 6 августа 1941 года, где рассказывалось, как пьяные враги густыми цепями шли на советские укрепления, бойцы хладнокровно дали фашистам подойти поближе и открыли ураганный огонь из винтовок и пулеметов, а красноармейцы бросились в штыковую контратаку и dokonчили разгром фашистской дивизии, буквально повторяло эпизод атаки каппелевцев из фильма «Чапаев»¹⁵⁸. Еще большей художественной обработке сводки Совинформбюро подвергались впоследствии – на страницах советских газет: так, в «Красной звезде» короткие сообщения о героических поступках затем превращались в стилистически наполненные описания подвигов¹⁵⁹.

С точки зрения преобразования реальности сводки Совинформбюро представляли собой соцреалистическую литературу: читателю они предлагали не сырые факты, а обработанную действительность, выстроенную по законам героического жанра. Ту же операцию производил с войной роман Александра Фадеева «Молодая гвардия», весьма вольно обращавшийся с подлинной историей этой подпольной группы¹⁶⁰. Так же строились и сотни рассказов о героизме советских людей в советских газетах и журналах, как, например, публикации в «Красной звезде», воспевавшие подвиг 28 панфиловцев. Под видом информационных сводок Совинформбюро предлагало соцреалистический нарратив, и отсутствие альтернативных источников о положении на Восточном фронте создавало идеальные условия для его распространения: и советские граждане, и жители других стран вынуждены были воспринимать его как описание объективной реальности.

В этом состояла специфика работы Совинформбюро: если обычно информационные агентства транслируют факты, то его задачей была трансляция эмоций. Совинформбюро поставляло за границу восхищение страной, героически ведущей великую борьбу, ликование от каждой ее победы¹⁶¹. Это позволяет лучше понять слова Лозовского о том, что во время войны Красная армия расчищала дорогу для материалов Совинформбюро. Реальные или вымышленные, успехи Красной армии были основой героического нарратива, встраивавшегося в любое сообщение о Советском Союзе, отправляемое за границу. После окончания военных действий поддерживать этот эмоциональный градус оказалось невозможно: повседневная жизнь советских людей не могла вызывать такого возбуждения. Бесцветность или косноязычие отдельных материалов, на которые обращали внимание критики Совинформбюро, не играли тут существенной роли – проблема была в том, что советская пропаганда лишилась источника ликования. Это объясняет, почему попытки обеспечить материалам Совинформбюро конкурентоспособность на западном рынке по большей части были лишены смысла: их целью было превратить Совинформбюро в информационное агентство, поставляющее за рубеж факты об СССР, но Совинформбюро создавалось не для этого. Весной 1946 года представитель ВОКС в США Хелен Блэк, выступая с очередной критикой Совинформбюро, предлагала изменить принцип его работы и не посылать за границу готовых статей, а снабжать материалами западных корреспондентов, которые постоянно жаловались, что на их запросы в Москве никто не отвечает¹⁶². С точки зрения задач Совинформбюро это предложение было лишено смысла: советская пропаганда не была заинтересована в передаче фактов.

¹⁵⁷ Баландина О., Давыдов А. Власть, информация, общество. С. 265.

¹⁵⁸ Там же. С. 246.

¹⁵⁹ Там же. С. 243.

¹⁶⁰ Подробнее см.: Добренко Е. Поздний сталинизм. Т. 1. С. 178–211.

¹⁶¹ О ликовании как главной эмоции сталинской эпохи см.: Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. М., 2002.

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 54. Л. 20.

Это объясняет результат проверки, организованной УПА. Несмотря на обилие претензий к работе Совинформбюро, Лозовский, до этого временно исполнявший обязанности его начальника, был официально утвержден в этой должности. Само Совинформбюро, однако, утратило свой исключительный статус в иерархии органов советской пропаганды. 8 августа 1946 года ЦК постановил организовать Совет по руководству международной пропагандой в зарубежных странах и освещению международных событий в советской печати¹⁶³. Когда-то из схожего органа и возникло Совинформбюро, так что образование нового координирующего совета свидетельствовало о том, что Совинформбюро больше не рассматривалось как ведомство, способное осуществлять эти задачи. Об этом же свидетельствовали и следующие постановления. 13 августа был подготовлен проект постановления «Об освещении внешнеполитических вопросов в советской печати и о советской пропаганде за рубежом». Совинформбюро фигурировало в нем наравне с другими органами информации и пропаганды – ТАСС, ВОКС, Радиокomitee и т. д. Все они критиковались за кустарную работу, несогласованные действия и отсутствие четкого направления деятельности. В передаваемых ими материалах недостаточно показывались преимущества советского строя перед капиталистическим и великая роль Советского Союза в разгроме германского блока, а также плохо закреплялся «возросший за время войны авторитет Советского Союза среди трудящихся и прогрессивной интеллигенции за границей»¹⁶⁴. Помимо этого отмечалось, что Совинформбюро передается под контроль УПА. 9 октября было подготовлено еще одно постановление, в котором рекомендовалось проявлять максимум инициативы для распространения материалов Совинформбюро любыми доступными способами: в условиях невозможности публикации их в «крупных органах печати капиталистических стран» в ход предлагалось пустить все остальные каналы – социалистические, кооперативные, либерально-демократические, профсоюзные и коммунистические органы печати, бюллетени посольств и миссий, культурно-просветительские общества, телеграфные агентства и т. д. Столь же широким предполагалось сделать и жанровый диапазон материалов: в качестве возможных форм в постановлении упоминались письма в редакцию, фельетоны, памфлеты, очерки, рецензии, интервью и т. д.¹⁶⁵ Последняя рекомендация выглядит как попытка найти в ассортименте журналистских жанров замену информационной сводке. Попытка оказалась неудачной: 25 июня 1947 года Политбюро приняло еще одно постановление о работе Совинформбюро, в котором констатировалось, что положения предыдущего постановления выполняются неудовлетворительно, а печатная пропаганда Совинформбюро за границей остается слабой. Лозовский был освобожден от должности, на его место назначен заместитель заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б) Борис Пономарев, а сотрудники аппарата ведомства были приравнены по зарплате к работникам министерств второй категории¹⁶⁶. К этому моменту Совинформбюро давно утратило свой некогда высокий статус.

Бесславная судьба Совинформбюро после войны не была результатом плохого управления или нерадивого отношения сотрудников к своим обязанностям. Совинформбюро было создано и организовано так, чтобы извлечь максимальную выгоду из военных условий: вне информационного дефицита, позволявшего под видом фактов поставлять пропагандистскую продукцию, работа Совинформбюро была невозможна. Попытки улучшить качество статей и подстроить их под вкусы заграничного читателя были лишены смысла, поскольку в этом случае материалы Совинформбюро утрачивали пропагандистский потенциал. Как отмечалось на одном из заседаний комиссии, слушавшей дело Совинформбюро, производимый руководством

¹⁶³ Сталин и космополитизм. С. 55.

¹⁶⁴ Там же. С. 61.

¹⁶⁵ Там же. С. 90.

¹⁶⁶ Сталин и космополитизм. С. 121–122.

ведомства подсчет опубликованных статей не был показательным, поскольку в печать попадают только самые «безобидные» публикации: «Все эти статьи никакой информации об СССР не дают, никого не обижают, ни на кого не наступают»¹⁶⁷. Для успешного реформирования деятельности Совинформбюро после войны необходимо было не подгонять статьи под стандарты западной журналистики, а найти замену военным успехам Красной армии. Как ни странно, к тому моменту, когда дело Совинформбюро слушалось в комиссии УПА, решение этой проблемы было фактически найдено. К самому Совинформбюро, однако, оно уже не имело отношения: с концом информационной монополии СМИ перестали быть таким же эффективным каналом пропаганды, каким они были во время войны.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 387. Л. 10.

КУЛЬТУРА И ПРОПАГАНДА

25 сентября 1945 года Александров сообщал Маленкову о результатах гастролей советских артистов, художников и писателей, организованных в 1944 и 1945 годах ВОКС и Комитетом по делам искусств в Европе: выступления советских гастролеров, утверждал он, имели исключительный успех, а приглашения советским деятелям культуры стали поступать из различных государств одно за другим, в том числе из Англии и США. Сообщая о предложении американского посольства организовать в США гастроли Ансамбля красноармейской песни и пляски, председатель ВОКС Владимир Кеменов отмечал, что в условиях нарастающей антисоветской кампании подобные гастроли несомненно вызовут «мощную волну симпатий к Советскому Союзу и принесут большую пользу»¹⁶⁸.

За 1944–1945 годы советские писатели, художники, артисты побывали в Финляндии, Румынии, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Польше и Австрии. ВОКС и Комитет по делам искусств рапортовали об исключительной эффективности этих гастролей – они вызвали большой общественный резонанс и способствовали пропаганде советской культуры¹⁶⁹. В отчетном докладе по случаю 20-летия деятельности ВОКС в 1945 году описывались успехи советской культурной дипломатии и резко возросший за годы войны интерес к советской культуре. К концу войны ВОКС имел культурные связи с 52 странами, количество членов в обществах культурных связей в некоторых странах исчислялось сотнями тысяч (300 тыс. у Общества культурной связи с СССР в Чехословакии, 200 тыс. – во Франции, 160 тыс. – в Румынии, 100 тыс. – в Финляндии), а во многих странах, где раньше не было подобных обществ, они стали появляться. Ежемесячно в ВОКС приходило более тысячи запросов об организации лекций, докладов, выставок и гастролей советских деятелей культуры за границу¹⁷⁰. В отличие от статистики Совинформбюро это не были голые цифры: отчеты о поездках советских деятелей культуры за границу свидетельствовали о том, что советское искусство действительно производило большой эффект.

«В фильме мы видели ваш народ – такой могучий, сильный, жизнерадостный и трудолюбивый. Мы подумали о том, как жестоко нас обманывали прежде. <...> Ваши фильмы действуют на нас больше, чем какая-либо пропаганда» – так реагировали в Берлине на демонстрацию фильма «Волга-Волга» в мае 1945 года¹⁷¹. «Россия нам казалась страной примитивной, и вдруг мы узнали, что у русских есть свои кинофильмы. <...> Меня, как знатока кино, ваша картина очень поразила, такую картину мог сделать только культурный народ. Я счастлив признать русских не только хорошими воинами, но и высококультурными людьми», – приводились в другом отчете слова жителя Саксонии¹⁷². В июле 1946 года руководитель отдела внешней политики ЦК Михаил Суслов передавал Жданову отчет режиссера Григория Александрова и оператора Владимира Придорогина об итогах прошедшего весной советского кинофестиваля в Чехословакии: на всех вечерах, сеансах, лекциях и встречах ни одно место не оставалось пустым, а политические и культурные деятели Чехословакии заявляли, что фестиваль имел «большой и неожиданный успех», и тот факт, что этот успех совпал с предвыборной борьбой и выборами нового чехословацкого правительства, сыграл значительную роль в победе левых сил¹⁷³. Как следовало из многочисленных отчетов, советское кино не утратило своего пропа-

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 371. Л. 129, 127.

¹⁶⁹ Там же. Л. 131.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 371. Л. 138–139.

¹⁷¹ Там же. Д. 321. Л. 53.

¹⁷² Тимофеева Н. От осторожного дистанцирования к нарастающему интересу. Пропаганда СВАГ в Восточной Германии 1945–1949 гг. // Россия и Германия в XX веке: В 3 т. Т. 3. С. 426.

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 66. Л. 62–68.

гандистского потенциала с окончанием войны и по-прежнему демонстрировало впечатляющие результаты: ему удавалось даже то, с чем не справлялись многочисленные публикации Совинформбюро, – успешно противостоять антисоветской пропаганде. Еще более вдохновляющими были отчеты о воздействии на иностранную публику советских музыкантов.

В 1946 году академик Василий Парин отмечал в отчете о посещении Венгрии, что концерты пианиста Эмиля Гилельса стали там «настоящим триумфом нашего искусства»¹⁷⁴. В том же году делегация ВОКС сообщала в отчете о поездке в Австрию, что в стране наблюдается общий спад интереса к культурным мероприятиям, поэтому венскую публику способно привлечь только что-то исключительное. Таковым стали концерты советского пианиста Якова Флиера: «Распространение правды о Советском Союзе и его людях всегда имеет наибольший эффект, когда носит конкретные формы. Так, концерт Флиера в Урфаре (пригород Линца), разумеется, лучше любой печатной пропаганды надолго убедит жителей Линца, что в СССР имеется подлинная высокая музыкальная культура. Секретарь местного райкома КПА сказал мне по поводу концерта Флиера в Линце: „Этот концерт сделает больше, чем наша трехмесячная работа“. Можно считать это заявление преувеличенным, однако оно очень характерно»¹⁷⁵. Из другого отчета следовало, что выступления советских музыкантов способствовали улучшению политического имиджа СССР в сравнении с другими союзниками. Как сообщал Суслову заместитель председателя ВОКС Александр Караганов, приезд в Швецию советской культурной делегации, включавшей пианиста Виктора Мержанова и оперную певицу Веру Давыдову, имел большое пропагандистское значение, поскольку показал, насколько выгодно отличаются методы, которые использует СССР для укрепления своего влияния в Скандинавии, от методов Великобритании и США. В подтверждение он приводил слова председателя шведско-болгарского общества и югославского посланника в Швеции: «Американцы присылают к нам крейсера и генералов, русские – артистов и писателей» и «Американцы прислали сюда линкоры, а Советский Союз прислал в Швецию линкор – Давыдову»¹⁷⁶.

Отчеты о гастролях советского искусства один за другим сообщали о невероятном впечатлении, которое оно производило на заграничную публику. Показательно описание эффекта от выступления Мержанова и Давыдовой в Норвегии летом 1946 года: «Приезд делегации в неподходящий сезон вызвал сомнения и опасения за успех, но первый же вечер опровергнул все сомнения. Успех был колоссальный, этот успех возрастал с каждым последующим концертом наших артистов и достиг кульминации в г. Тронхейме. Здесь концерты Давыдовой и Мержанова превратились в триумф советского искусства и демонстрацию симпатий к Советскому Союзу. После их концертов толпы людей стояли у выходов, дожидаясь советских артистов, и их появление встречали криками – привет Советскому Союзу, привет Сталину!»¹⁷⁷ Успех советской культуры не только затмевал антисоветские выступления в прессе, но – главное – возвращал Советскому Союзу то возбуждение и ликование, которыми незадолго до этого сопровождались сообщения об освободительном шествии Красной армии по Европе и которые были утрачены с окончанием военных действий. Искусство демонстрировало способность транслировать те эмоции, которые больше не могли передавать материалы Совинформбюро. На фоне их бесцветности выступления советских музыкантов, демонстрация советского кино и другие культурные интеракции оказывались красноречивее и убедительнее. Таким потенциалом обладали не только очные встречи с выдающимися артистами или произведениями искусства, но даже незамысловатые пропагандистские выставки, специально подготовившиеся для экспорта. Достаточно посмотреть на отзывы посетителей о выставке «Вклад СССР в дело победы над

¹⁷⁴ Там же. Д. 84. Л. 82.

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 22. Д. 1. Л. 62.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 84. Л. 25. См. также: Там же. Оп. 125. Д. 395. Л. 103.

¹⁷⁷ Там же. Оп. 128. Д. 84. Л. 20.

гитлеровской Германией и работа его народов по ликвидации последствий войны», подготовленной ВОКС и прошедшей в Белграде в дни работы Славянского конгресса в конце 1946 года: «На этой выставке видно – какой передовой народ Советского Союза! Выставка показывает величественную борьбу славянских народов с фашизмом и их большой вклад в дело освобождения не только славянских народов, но и всего прогрессивного человечества, во главе которого в течение войны стоял могучий Советский Союз», «До сих пор мы читали и слышали много о героизме и величии русского народа, но только эта выставка показала ясно и то, что мы не могли видеть»¹⁷⁸.

Официальные отчеты, множившие свидетельства об исключительном воздействии советского искусства на зарубежную аудиторию, могут вызывать сомнения в подлинности описываемого ими эффекта: номенклатурный язык тяготел к эмоциональной возгонке и нередко достраивал реальность до желаемой. И все же этот эффект не был вовсе выдуманным. В феврале 1945 года в Финляндии с гастрольями выступал Краснознаменный ансамбль песни и пляски под управлением Александрова. На концерте присутствовал Андрей Жданов, в письме жене с восторгом описавший впечатление, которое ансамбль произвел на местную аудиторию: «Свел с ума всех финнов, без различия направлений. Все, кто знает финнов, и в первую очередь они сами, утверждают, что финнов никогда и ни по какому поводу в таком экстазе не видели. В Таммерфорсе всех участников ансамбля толпа несла на руках из здания театра. Триумф полный»¹⁷⁹. Жданов, как видно из этой цитаты, искренне верил и в силу советского искусства, и в то, что оно может способствовать славе Советского Союза не хуже Красной армии, и в его выступлениях по вопросам культуры это обстоятельство сыграет ключевую роль.

В начале 1944 года Л. Лемперт, в 1930-е годы руководитель планово-экономического отдела Амторга, компании по содействию развитию советско-американской торговли, написал заместителю наркома иностранных дел Максиму Литвинову о том, что состояние советской пропаганды за границей вызывает беспокойство. Работа советских учреждений (Совинформбюро, Радиокomiteта и др.) представлялась ему неэффективной: нет понимания того, какой материал требуется для зарубежного читателя, статьи длинные и скучные, переводы плохие, координация между организациями отсутствует. «Сравнивая, я мог бы сказать, – писал Лемперт, – что наша пропаганда на границу сегодня находится на таком уровне, на каком была наша экспортная торговля в 1925–26 годах, когда товары отгружались без учета норм требований мировых рынков. Сегодня, если экспортируется марганцевая руда, асбест или консервированные крабы, то они строго отбираются и отвечают стандарту, но когда дело касается отправляемых за границу статей о той или иной жизни в Советском Союзе, и которые, возможно, будут прочитаны миллионами читателей, то их качеству придается наименьшее значение»¹⁸⁰. По долгу службы Лемперт был хорошо осведомлен о проблемах советского экспорта, но в вопросах пропаганды он явно не был экспертом. Хотя в оценке слабых мест советского вещания за границу Лемперт не расходился с другими критиками, его сравнение обходило стороной главное – в случае Совинформбюро и подобных ему организаций речь шла не о торговле, а о контрабанде. Вопрос о качестве крабов здесь не имел значения. На протяжении войны Совинформбюро удавалось под видом информационных сводок и сопроводительных материалов передавать на Запад тот образ Советского Союза и его места в мире, который устраивал советское руководство. Какими бы бесцветными и косноязычными ни казались иные матери-

¹⁷⁸ Там же. Д. 68. Л. 161, 165.

¹⁷⁹ Жданов Ю. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004. С. 113.

¹⁸⁰ Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1934–1945). С. 216.

алы Совинформбюро, все их отличал главный принцип подачи материала – описание советской жизни не как она есть, а какой ее следовало видеть. В тот момент, когда контрабанда этих материалов под видом информационных перестала работать, советской пропаганде потребовался новый канал, и им стала культура.

В постановлении о советской пропаганде за рубежом от 13 августа 1946 года отдельно перечислялось, как именно следует задействовать в ней культуру: «Всемерно использовать советские кинофильмы для популяризации за границей достижений советского строя, организовать в зарубежных странах гастрольные ансамбли и театральные коллективы, концертные группы, выставки советской живописи, графики и народного искусства» и т. д.¹⁸¹ «Литературная газета» в программной статье «Мировое значение русской культуры» напоминала деятелям советской культуры, что они работают не только для советской, но и для заграничной аудитории, и рисовала впечатляющую картину советского культурного наступления: «Миллионы людей за рубежом переполняют залы кинотеатров, где идут советские фильмы, напряженно вслушиваются в музыку Шостаковича и Прокофьева, жадно читают книги Шолохова, Симонова, Эренбурга, Вас. Гроссмана. Западный читатель, слушатель, зритель ищет и находит в произведениях советского искусства отражение той идейной и моральной силы советского народа, которая позволила ему разгромить фашизм, спасти цивилизацию, отстаивать свою свободу и независимость, выйдя победителем из тяжелых испытаний войны»¹⁸². Культура преподносилась как одна из причин победы СССР и явное свидетельство его превосходства. Культурная слава должна была сменить военную и продлить ее, а мир, прежде восхищавшийся силой советского духа, должен был теперь открыть силу его искусства.

Способность культуры стать новым источником всеобщего восхищения и ликования не вызывала сомнения, но преимущества культуры как канала пропаганды оказывались ее же недостатками. Материалы Совинформбюро не впечатляли качеством, но были просты для восприятия – их проблемой была слишком явная и настойчивая пропаганда советских достижений, не вызывавшая доверия у иностранной аудитории. С культурой дело обстояло иначе: она вызывала восхищение, но это восхищение не было напрямую связано с пропагандой превосходства советского строя. Это повышало доверие к ней, но одновременно делало ее более сложным инструментом пропаганды. Задача состояла в том, чтобы снабдить продуцируемое культурой ликование политическим содержанием, заставить ее вызывать не просто восхищение, но восхищение советским строем и советской властью. Решению этой задачи и были посвящены знаменитые ждановские постановления о культуре.

¹⁸¹ Сталин и космополитизм. С. 64.

¹⁸² Мировое значение русской культуры // Литературная газета. 1946. 20 апреля. С. 1.

Глава 3

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВМЕСТО МОБИЛИЗАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ О КИНОФИЛЬМЕ «БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ» И НОВЫЙ ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА

26 апреля 1946 года в Управлении пропаганды и агитации ЦК состоялось совещание по вопросам кино. Формально оно было посвящено обсуждению тематического плана фильмов на 1946–1947 годы: представленный министром кинематографии Иваном Большаковым вариант был признан неудовлетворительным, поэтому Андрей Жданов, две недели как получивший руководство всеми вопросами идеологии, и Георгий Александров, глава УПА, подробно объясняли собравшимся деятелям кино, что с ним было не так. Главная претензия, как ее формулировал Жданов, состояла в том, что план не носил «ярко выраженного пропагандистского характера». Хороший план должен был «пропагандировать и утверждать те качества советских людей, которые нам в настоящее время необходимо развивать и прививать», а предложенный план с этой задачей не справлялся¹⁸³. Мысль Жданова подхватывал Александров: разбирая тематический состав запланированных на ближайшие полтора года фильмов, он отмечал отход от современности и насущных задач государства. Речь шла не только о том, что значительное место отводилось фильмам на историческую тематику, экранизациям классических литературных произведений и сказкам, – проблемы обнаруживались даже в тех случаях, когда фильмы касались современности. Например, в плане было предложено три фильма о хирургах, хотя вполне было «можно обойтись или вовсе без хирургов, или в лучшем случае оставить одну картину», фильм о шоферах затрагивал слишком незначительную для государства проблему, фильмы о войне были обращены исключительно в прошлое и не имели выхода в современность. Все эти недоработки необходимо было исправить. «Война кончилась, государство вступает в новый период, и люди думают уже по-иному и чувствуют жизнь по-иному, взялись за работу по-иному», – заявлял Александров, требуя, чтобы именно это и было отражено в кинематографических произведениях¹⁸⁴. Присутствовавшие встретили это требование с энтузиазмом, выражая готовность исправлять допущенные ошибки и заявляя о необходимости закрепить в своих работах одержанную Советским Союзом победу, повысить качество производимых фильмов и их актуальность.

Отдельным выступавшим удавалось даже затмить по четкости формулировок Жданова и Александрова. «Не нужно ставить себе задачу популяризации того или иного постановления, нужно ставить одну основную задачу – это показ морального облика советского человека, того морального облика, при помощи которого мы и получили нашу победу. Потому что не только сила нашего оружия привела нас на поля Европы, но и сила морального превосходства советского человека. Кто же, кроме искусства, может закрепить это моральное превосходство перед всем миром? Нам нужно показать советского человека-победителя, чтобы мир понял его», – заявлял сценарист Л. Соловьев, напоминая о внешнем воздействии советского кино¹⁸⁵. О том, что советский фильм должен предьявить всему миру величие советского человека и его моральное превосходство, отчасти говорил и Жданов, призывавший «не стыдиться своей идеологии», поскольку «с точки зрения моральной идеологии мы одержали победу»¹⁸⁶.

¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 378. Л. 6.

¹⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 378. Л. 8–9.

¹⁸⁵ Там же. Л. 55.

¹⁸⁶ Там же. Л. 81.

Совещание вообще являло собой слияние партийного руководства и деятелей кино в едином порыве открыть новую послевоенную эпоху в кинематографе. И те и другие признавали необходимость снимать фильмы о современности, вдохновлять советский народ на новые свершения и воспевать силу советского духа, позволившую ему одержать великую победу. Спустя всего несколько месяцев кино, отвечавшее всем этим требованиям, было раскритиковано Сталиным на заседании Оргбюро ЦК – внезапно оказалось, что установки апрельского совещания не работали.

Выступление Сталина на Оргбюро было посвящено трем фильмам: «Большой жизни» Леонида Лукова, «Адмиралу Нахимову» Всеволода Пудовкина и второй части «Ивана Грозного» Сергея Эйзенштейна. Все три фильма Сталин ругал за одно и то же: недобросовестность режиссеров в изучении описываемой эпохи и изображение действительности в неправильном виде. «Адмирал Нахимов» недостаточно четко представлял успехи русского флота, «Иван Грозный» искажал образ опричников, а «Большая жизнь» давала превратное представление о послевоенном восстановлении Донбасса и советских шахтерах. Еще в 1935 году в письме руководителю советского кино Борису Шумяцкому по случаю 15-летия советской кинематографии Сталин писал о том, какую огромную силу приобретает кино в руках советской власти: «Обладая исключительными возможностями духовного воздействия на массы, кино помогает рабочему классу и его партии воспитывать трудящихся в духе социализма, организовывать массы на борьбу за социализм, поднимать их культуру и политическую боеспособность»¹⁸⁷. Тогда Сталин ждал от кино прославления величия борьбы за власть рабочих и мобилизации на выполнение новых задач. 11 лет спустя его подход к кино выглядел иначе: теперь Сталина интересовало не то, насколько тот или иной фильм вдохновит будущие свершения, а то, какими предстанут на экране уже имеющиеся достижения. Это была новая установка, требовавшая принципиальной перенастройки кинематографа.

Послевоенное переустройство культуры началось с трех постановлений: о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров и о кинофильме «Большая жизнь». Они вышли в течение трех недель (с 14 августа по 4 сентября 1946 года), но были результатом одного заседания Оргбюро ЦК 9 августа 1946 года – того самого, на котором выступал Сталин. Флагманским из трех документов традиционно считается постановление о журналах: оно было первым хронологически, сопровождалось специальным докладом и с наибольшей отчетливостью предьявляло репрессивную сторону новой политики в области культуры, решительно отсекая все, чему в ней не было места. У новой политики была, однако, и другая сторона – не блокирующая, а открывающая и утверждающая новые приоритеты и новые принципы. С этой точки зрения постановление о кинофильме «Большая жизнь» оказывается едва ли не более значимым, чем постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», поскольку в нем предпринималась попытка обозначить не только то, что недопустимо в советском кинематографе, но и то, каким он должен быть. Из критики кинофильма «Большая жизнь» становится понятно, что все три постановления 1946 года были призваны обратить внимание советской культуры на внешнюю аудиторию и предьявить миру новый образ Советского Союза.

¹⁸⁷ Сталин И. Тов. Шумяцкому // Правда. 1935. 11 января. С. 1 (Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. С. 43).

КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«Большая жизнь», которая вызвала наибольшее негодование Сталина и стала основным поводом для постановления, была продолжением одноименного фильма 1939 года. Его действие разворачивалось в шахтерском поселке в Донбассе: молодой инженер предлагал смелый способ модернизации добычи угля, опытные шахтеры внедряли этот способ и перевыполняли норму, а скрытые враги устраивали на шахте обвал, в результате которого один из шахтеров-рекордсменов оказывался при смерти. Главная сюжетная линия была связана с перевоспитанием двух молодых шахтеров, к концу фильма расстававшихся с водкой и гитарой ради отбойного молотка и новых стахановских рекордов. «Большая жизнь» 1939 года была хитом советского проката: только за 1940 год ее посмотрело 18,6 млн человек, а в 1941 году фильм был награжден Сталинской премией II степени, что окончательно утвердило его успех.

В сиквеле 1946 года те же герои, пройдя войну кто на фронте, кто в партизанах, возвращались на освобожденную от немцев родную шахту, чтобы восстановить ее и дать стране угля, параллельно разоблачая врагов и налаживая семейную жизнь. На заседании 26 апреля 1946 года Жданов требовал, чтобы советские фильмы показывали, как «люди прошли войну, изменились и снова начали работать на фабриках и заводах», и «Большая жизнь» изображала именно это¹⁸⁸. Это соответствие заказу определило характер обсуждения фильма на худсовете в июле 1946 года: несмотря на наличие отдельных недостатков (например, отмечалась нехватка героических поступков), фильм был признан состоявшимся и жизнеутверждающим. Иван Пырьев отдельным достоинством картины выделял то, что герои, пройдя войну, приобрели новые свойства, закалили свои характеры, но не потеряли оптимизма¹⁸⁹. Сергей Герасимов говорил, что картина вышла прогрессивной, Всеволод Пудовкин – что она развертывает «большую тему о силе нашего народа» и работает с конкретным будущим¹⁹⁰. Спустя всего две недели стало понятно, что худсовет ошибался в оценке фильма. На уже упомянутом заседании Оргбюро 9 августа Сталин назвал смехотворным то, как в фильме изображено восстановление Донбасса, и заявил, что выпускать его в прокат нельзя. Спустя еще месяц эта критика обрела форму постановления.

Из его текста видно, что основное недовольство Сталина вызвало то, какой представляла в «Большой жизни» послевоенная советская промышленность: «Авторы фильма создают у зрителя ложное впечатление, будто восстановление шахт Донбасса после его освобождения от немецких захватчиков и добыча угля осуществляются в Донбассе не на основе современной передовой техники и механизации трудовых процессов, а путем применения грубой физической силы, давно устаревшей техники и консервативных методов работы»¹⁹¹. Претензии не были безосновательными. В фильме 1939 года речь шла о модернизации производства, уголь добывали с помощью отбойных молотков, а старый шахтер учил молодого, что эффективность его работы зависит не только от силы, но и от правильно выбранного угла приложения инструмента. В фильме 1946 года шахту разгребали от завалов вручную, а уголь добывали обыкновенным молотом. С точки зрения модернизации это был шаг назад, но готовность восстанавливать шахту голыми руками демонстрировала не только физическую, но и духовную силу советских людей. Именно эта окрепшая сила духа и предьявлялась в фильме как главный итог войны: сюжет картины 1939 года строился на воспитании социалистических чувств, а в ее продолжении 1946 года эти чувства проверялись войной и предьявлялись закаленные в боях

¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 378. Л. 85.

¹⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 1242. Л. 27.

¹⁹⁰ Там же. Л. 7.

¹⁹¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 599.

герои, готовые с нуля восстанавливать разрушенное хозяйство. Война уничтожила предыдущие достижения, но не советского человека – он выходил из войны еще более сильным и оказывался главным гарантом будущего. Новая «Большая жизнь» предъявляла зрителю единство советского народа и его решимость защищать социалистические завоевания как главную ценность и главное достижение. Критика фильма свидетельствовала о том, что этот подход больше не был актуальным.

В 1930-е годы от кино требовали мобилизации: оно должно было внушать оптимизм и вдохновлять народ продолжать строительство социализма и борьбу за него. Из выступления Сталина и постановления о кинофильме «Большая жизнь» становилось понятно, что мобилизационная составляющая больше не была основной – изображения готовности взяться за восстановление разрушенного хозяйства было мало, важность приобретало то, каким предстанет это восстановление на экране. В самом строительстве должны были отразиться качественные изменения, произошедшие со страной в течение сталинского периода и приведшие ее к победе. Мобилизация уступала место репрезентации: фильм должен был предъявлять не силу духа, а силу государства. Война не отменяла всего, что было достигнуто, напротив – она переводила страну на новый уровень. В том, что этот репрезентационный сдвиг не был артикулирован на совещании 26 апреля, виноват был сам Жданов, смотревший на войну как на проверку моральных качеств советских людей¹⁹². Сталин же видел в войне проверку всего государства, и теперь этот взгляд экстраполировался на искусство¹⁹³.

На Оргбюро Сталин объяснял, почему устарел тот образ страны, который предлагался в фильме: «У нас есть хорошие рабочие, черт побери! Они показали себя на войне, вернулись с войны и тем более должны показать себя при восстановлении. Этот же фильм пахнет старинкой, когда вместо инженера ставили чернорабочего, дескать, ты наш, рабочий, ты будешь нами руководить, нам инженера не нужно. Инженера спихивают, ставят простого рабочего, он-де будет руководить. Так же и в этом фильме, старого рабочего ставят профессором. Такие настроения были у рабочих в первые годы советской власти, когда рабочий класс впервые взял власть. Это было, но это было неправильно. С тех пор столько времени ушло!»¹⁹⁴ Слова Сталина отсылали к финалу «Большой жизни». Фильм завершался словами «А теперь Сталин хочет посмотреть, как ты будешь шахтой управлять», обращенными к главному герою, в фильме 1939 года устраивавшему пьяный дебош в женском общежитии, а теперь назначенному руководителем шахты. Сталин объяснял, что теперь смотреть на это он не хочет: управляющим шахтой он желал видеть не простого шахтера, еще вчера не умевшего держать отбойный молоток, а образованного и компетентного инженера. Такой же – организованной и культурной – он хотел видеть всю шахту.

В постановлении эта мысль была развернута. Образ будущего предъявлялся здесь вполне отчетливо: современная техника, полная механизация трудовых процессов, высокая культура производства. Донбасская шахта должна была представлять передовую страну, поэтому недопустимым оказывалось появление на экране грязных шахтеров и полуразрушенных барачков с протекающей крышей, где вынуждены были ютиться приехавшие восстанавливать шахту работницы. Вместо того чтобы изображать «современный Донбасс с его техникой и культурой», фильм, как следовало из постановления, демонстрировал организационный и производственный бардак, превращавший восстановление шахты в подвиг энтузиазма и физической силы. Эта этика энтузиазма и преодоления, на которой прежде держалась идеология труда и

¹⁹² Речь тов. А. А. Жданова на предвыборном собрании избирателей Володарского избирательного округа г. Ленинграда 6 февраля 1946 г. // Правда. 1946. 8 февраля. С. 3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 378. Л. 6.

¹⁹³ Речь тов. И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. // Правда. 1946. 10 февраля. С. 1–2 (*Сталин И. В. Сочинения*. Т. 16. Ч. 1. С. 198–210).

¹⁹⁴ Власть и художественная интеллигенция. С. 583.

строительства, теперь оказывалась не возвышающей, а принижающей государство и его достижения.

В «Большой жизни» шахту восстанавливали не расчетом, не культурой, а напором. Само это дело оказывалось чистым проявлением упорства и инициативы, осуществлялось не благодаря, а вопреки не только обстоятельствам, но и советской власти, явленной в фильме в виде приказа бросить разрушенную шахту и направить рабочих на другую, а также в виде секретаря парторганизации, не оказывающего никакой поддержки рабочим и регулярно угрожающего донести на них наверх. Презрение к обстоятельствам, прежде выступавшее свидетельством силы духа советского человека, теперь расценивалось как явление отрицательное: сила духа превращалась в «дух партизанщины», с которым Сталин в своем выступлении призывал покончить, а героическое восстановление описывалось в постановлении как «отражающее скорее период восстановления Донбасса после окончания Гражданской войны, а не современный Донбасс»¹⁹⁵.

Упоминание Гражданской войны не было простой фигурой речи – к 1946 году она стала противопоставляться Великой Отечественной как воплощение всего отжившего, устаревшего и непригодного в современных условиях. Наглядным примером нового отношения к эпохе Гражданской войны стала пьеса Александра Корнейчука «Фронт». В основе ее сюжета лежало противостояние двух героев, воплощавших два разных подхода к войне. Первый из них – командующий фронтом Иван Горлов, герой Гражданской войны, учившийся воевать непосредственно в боях, – считал главным качеством полководца правильно настроенную душу: «Главное у полководца – в душе. Если она смелая, храбрая, напористая, тогда никто не страшен, а этого у нас хоть отбавляй». Ему противостоит молодой командарм Огнев, полагающийся на военную науку и тщательные расчеты, умеющий «воевать по-современному» и обвиняющий Горлова в том, что тот действует на авось. Это не был конфликт поколений: на стороне Огнева оказывался и родной брат Горлова – он, директор авиазавода, тоже ругал «некультурных командиров» и утверждал, что для победы недостаточно храбрости и опыта Гражданской войны. Конфликт разрешался предсказуемо: действия Горлова приводили к поражениям, а Огнев в обход командующего фронтом, но при поддержке Москвы проворачивал блестящую военную операцию, за что его назначали командующим фронтом вместо Горлова.

«Фронт» был написан в 1942 году, на волне поражений Красной армии на Юго-Западном фронте, в которых Сталин обвинял командование¹⁹⁶. Существует мнение, что Корнейчук сочинил пьесу по прямому заказу Сталина, но, даже если это не так, обстоятельства публикации и продвижения «Фронта» заставляют видеть в нем программное произведение: пьеса была опубликована в газете «Правда», удостоена Сталинской премии I степени и стремительно экранизирована. В 1943 году вышел фильм «Фронт», снятый братьями Васильевыми – именно они в 1934 году воспели героиню Гражданской войны в культовом фильме «Чапаев». «Фронт» был открытым отказом от этой героини, манифестом новой этики. На следующий день после завершения публикации пьесы в «Правде» командующий Северо-Западным фронтом Семен Тимошенко направил Сталину телеграмму с утверждением, что пьеса «вредит нам целыми веками», и потребовал привлечь автора к ответственности. Сталин ответил, что пьеса правильно отмечает недостатки в советских вооруженных силах и признавать эти недостатки – «единственный путь улучшения и совершенствования Красной армии»¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Там же. С. 584, 599. О переосмыслении партизанского движения в послевоенной идеологии и противопоставлении хаоса партизанщины порядку армии см.: *Weiner A. Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton; Woodstock, 2001. P. 70–81.

¹⁹⁶ *Хлевнюк О.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 304.

¹⁹⁷ Власть и художественная интеллигенция. С. 479, 781. Подробнее о пьесе «Фронт» в контексте формирования новых послевоенных ценностей см.: *Weiner A. Making Sense of War*. P. 43–45; *Добрейко Е.* Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // Новое литературное обозрение. 2013. № 121. С. 169–172.

Речь, впрочем, шла не только об армии: разделение на «старых», действующих нахрапом и невежеством, и «новых», разбирающихся в своем деле, в пьесе «Фронт» распространялось и на промышленность. Мирон Горлов, вспоминая старые порядки, ругал «авторитетных товарищей», которые «хвастались своей мозолистой рукой, а технику дела не знали и знать не хотели»: из-за них заводы работали из рук вон плохо, пока ЦК партии «не повернул круто, не поставил инженеров, техников, знающих людей во главе предприятий». Борьба между старым и новым, между «олимпийцами» Великой Отечественной и «титанами» Гражданской разворачивалась во всем государстве: первые свергали вторых, чтобы принести порядок и культуру. Война оказывалась поворотным моментом, точкой рождения нового мифа: она заменяла революцию не только как ключевое событие сталинской эпохи, но и как основание всего государства.

Ругая фильм на заседании Оргбюро и рассуждая о возможностях его исправления, Сталин отмечал расхождение между названием фильма и его содержанием: «Если назвать этот фильм первым приступом к восстановлению, тогда интерес пропадет, но это, во всяком случае, не большая жизнь после Второй мировой войны. Если назвать фильм „Большая жизнь“, то его придется кардинально переделать»¹⁹⁸. Как же должна была выглядеть большая жизнь после Второй мировой войны? Ответу на этот вопрос и были посвящены три постановления, выпущенные по итогам заседания Оргбюро 9 августа, прежде всего само постановление о кинофильме «Большая жизнь». Из этого документа со всей ясностью следовало, что Советский Союз должен был выйти из войны передовым государством с современной техникой и развитым производством, с компетентными руководителями и отлаженным управлением, с грамотными рабочими и высокой культурой труда и быта, одним словом – преодолевшим вековое отставание от ведущих западных держав. Новый соцреалистический проект рождался в зазоре между реальностью военных разрушений и заявлениями о новом статусе государства. Страна лежала в руинах, но Сталин заявлял, что война доказала величие советского строя, и именно это величие должно быть явлено в кино. Отсюда – специфический характер самой идеи послевоенного восстановления: речь не шла о восстановлении того, что физически было разрушено, возвращение к довоенному уровню было невозможно, поскольку в результате победы страна шагнула вперед.

Во время обсуждения постановления о фильме «Большая жизнь» на худсовете при Министерстве кинематографии в октябре 1946 года режиссер Леонид Луков признавал, что демонстрация грубого мускульного труда сделала картину фальшивой: «На самом деле Донбасс восстановился не за счет маленьких шахтенек, а по грандиозному намеченному плану, по которому шахты не только возвратились к прежнему довоенному масштабу, а расширили свою мощь и строятся на основе высокой техники и внедрения новых методов работы в этих шахтах, которые позволяют с меньшим трудом добывать больше угля»¹⁹⁹. Ошибки фильма его автор объяснял тем, что за время съемок страна совершила скачок: «За это время Донбасс настолько шагнул вперед, что сейчас уже выполняет довоенную норму добычи угля. А многие шахты Донбасса достигли довоенной мощи»²⁰⁰. Ту же мысль об опередившем фильм времени Луков высказывал и сразу после критики Сталина, на заседании худсовета 22 августа: «А ошибки в этом фильме случились потому, что время нас, как я уже сказал, обогнало. События шли и развивались очень быстро. С момента зарождения сценария прошло два года, к тому же длительная работа над постановкой привела к тому, что показанное в картине стало арха-

¹⁹⁸ Власть и художественная интеллигенция. С. 584. Переделывать фильм Леонид Луков не стал, он снял новый – «Донецкие шахтеры» (1950). О том, как в «Донецких шахтерах» были исправлены ошибки «Большой жизни», см.: *Добренко Е.* Поздний сталинизм. Т. 1. С. 333–339.

¹⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 1224. Л. 43.

²⁰⁰ Там же. Л. 42.

ичным, нетипичным, неправильным»²⁰¹. Проблема, однако, была не в промышленном скачке, случившемся за время съемок, а в идеологическом: между началом и завершением фильма закончилась война, и победа радикально изменила и образ будущего, и образ настоящего. В течение долгого времени приоритетной задачей советского искусства и соцреалистического метода было воспитание советского человека и привитие ему социалистического духа. Теперь этот этап был признан завершенным, отныне главным предметом соцреализма становилось передовое государство.

Фильм «Большая жизнь» – и в силу того, что это была вторая серия, и в силу тематики – оказался идеальным примером для демонстрации того, как именно должно было измениться кино после войны. Гораздо менее торжественной была критика фильма «Простые люди» Григория Трауберга и Леонида Козинцева. Это произведение также упоминалось в постановлении о кинофильме «Большая жизнь», но без комментариев: к этому моменту фильм уже был обстоятельно раскритикован в издаваемой УПА газете «Культура и жизнь» и выполнял в постановлении роль дополнительной иллюстрации. Между тем с точки зрения формулирования задач, поставленных перед кинематографом после войны, его обсуждение было едва ли не более показательным.

Фильм «Простые люди» был посвящен самоотверженному труду советских людей в тылу в годы Великой Отечественной: по сюжету в пустыне Узбекистана эвакуированные ленинградцы налаживали выпуск самолетов для нужд фронта, невзирая на испытания, посылаемые природой и судьбой. Героический труд венчался успехом: на 61-й день герои выпустили в небо первый самолет и проводили его на фронт, в награду получив первый за два месяца выходной день. Вместо празднования все вдохновенно расходились по домам, чтобы с новыми силами вернуться к делу – отпуская работников домой, директор обещал, что завтра им найдется работа еще труднее, и эти слова вызывали в людях ответный энтузиазм.

Обсуждение фильма состоялось на худсовете 9 ноября 1945 года. Большинство участников отзывались о фильме с восторгом: Константин Симонов говорил, что во время просмотра плакал; генерал-майор и журналист Михаил Галактионов признавал, что фильму удалось «уловить частицу правды о 1941 годе», «схватить пафос и воспеть могущество советских людей, которые в тяжелых условиях смогли справиться с такой труднейшей задачей»; актер и режиссер Николай Охлопков заявлял, что худсовет сделает «очень доброе, полезное для советской кинематографии дело, если попросит как можно скорее выпустить эту картину на экран»²⁰². Другие участники, правда, отмечали недостатки картины: глава комитета по делам кино Иван Большаков критиковал то, что фильм навязывает обывательское представление о хорошей работе, генерал-майор и военный историк Николай Таленский ругал его за примитивность: «Все построено на примитивном хаосе, на нагромождении станков и т. п. <...> Неправильно показывать так обучение молодых рабочих, что девушка постарше рассказывает девушкам помоложе, как делается самолет из деталей. Это примитивно. Разве показана в этом фильме наша высокосовременная система руководства? Ничего похожего здесь на действительность нет»²⁰³.

Полемика на худсовете по поводу «Простых людей» предвосхищала коллизию вокруг «Большой жизни»: одни хвалили фильм за воспевание силы духа советских людей, другие ругали за примитивизацию производственного процесса. Как и в случае с «Большой жизнью», первоначальную победу одержали первые: 19 декабря 1945 года фильм получил разрешительное удостоверение²⁰⁴, но до проката так и не дошел. 20 июля 1946 года во втором номере газеты

²⁰¹ Там же. Д. 1240. Л. 4.

²⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 373. Л. 174; РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 1067. Л. 7–8.

²⁰³ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 1067. Л. 22, 13.

²⁰⁴ *Марголит Е., Шмыров В.* Изъятое кино, 1924–1953. М., 1995. С. 93.

«Культура и жизнь» вышла статья «Фальшивый фильм», из которой следовало, что культура производства является более важным явлением советской жизни, нежели энтузиазм отдельных людей: «В фильме „Простые люди“ эвакуация изображается как невероятная сутолока, торжество беспорядка, нераспорядительности. На новом месте завод воссоздается, если верить авторам фильма, совершенно примитивными организационными и техническими методами; хаос и бессмысленная авральщина якобы процветают на заводе. Бесцельная суета, хаотическое нагромождение станков и оборудования, стихийные действия рабочих – все это, по замыслу авторов, должно представлять и выражать трудовой энтузиазм и героизм людей завода, их высокое сознание долга перед Родиной»²⁰⁵

²⁰⁵ Ковальчик Е. Фальшивый фильм // Культура и жизнь. 1946. 20 июля. С. 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.